



**Рик Риордан**  
**Красная пирамида**  
Серия «Наследники богов», книга 1

*Текст предоставлен издательством*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=2139955](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2139955)*  
*Наследники богов. Кн. 1.: Красная пирамида: Эксмо; Москва; 2011*  
*ISBN 978-5-699-48226-9*

**Аннотация**

Начало нового сериала от создателя цикла о Перси Джексоне, ставшего одним из главных литературных событий последних лет и упрочившего успех высокобюджетной экранизацией!

Брат и сестра Кейн, четырнадцатилетний Картер и двенадцатилетняя Сейди, – обыкновенные американские школьники, и заботы у них самые обыкновенные. Только эта их обыкновенность обманлива. На самом деле в Сейди и Картере живут души богов Египта, в Картере – бога Гора, в его сестре – богини Изиды. И в тайных замыслах Дома жизни, древнего сообщества магов, семейству Кейнов предназначена особо важная роль...

## Содержание

Предупреждение	4
1. Смерть возле Иглы	5
2. Взрыв на рождество	14
3. Мы с кошкой – узницы	21
4. Родственное похищение	27
5. Знакомство с обезьяной	33
6. Завтрак с крокодилом	40
7. Я роняю маленького человечка	52
8. Маффин играет с кинжалами	63
9. Мы убегаем от четырех парней в юбках	70
10. Баст зеленеет	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

# Рик Риордан

## Красная пирамида

*Посвящается всем моим друзьям-библиотекарям – хранителям и защитникам книг, настоящим магам Дома жизни. Без вас я бы заблудился в Дуате.*

### Предупреждение

Эта книга представляет собой текстовый вариант, сделанный с цифровой аудиозаписи. В ряде мест качество записи было весьма неудовлетворительным, потому некоторые слова и фразы автор вставлял, руководствуясь собственными догадками. Там, где было возможно, он дополнил текст иллюстрациями наиболее значимых иероглифических надписей. Фоновые шумы вроде шарканья ног, звуки ударов, которыми двое говорящих награждали друг друга, а также их переругивание в текст не вошли. Автор ни в коем случае не утверждает, что данная аудиозапись является подлинной. То, о чем повествуют два юных рассказчика, может показаться полнейшей выдумкой, но так это или нет – пусть каждый читатель решает сам.

## 1. Смерть возле Иглы

*Картер*

У нас в запасе всего несколько часов, а потому будьте внимательны.

Если вы слушаете эту историю, вы уже в опасности. И кто знает, может, мы с Сейди – ваш единственный шанс.

Поезжайте в школу. Там найдите шкафчик для хранения личных вещей. Я не стану говорить вам, в какую школу ехать и где этот шкафчик. Если вы те, кому предназначены наши слова, сами поймете. Шифр такой: 13/32/33. К концу прослушивания вы узнаете, что это за цифры. Но помните: история, которую мы вам рассказываем, еще не закончена. Как она закончится – будет зависеть от вас.

Теперь о самом важном: когда откроете пакет и достанете то, что внутри, не держите у себя этот предмет больше недели. Уверен, такое искушение у вас появится. Еще бы: этот предмет способен дать вам почти безграничное могущество. Но если он останется у вас слишком надолго, то поглотит вас. побыстрее узнайте его секреты и передайте дальше. Спрячьте его для кого-то другого, как мы с Сейди спрятали для вас. А потом приготовьтесь к тому, что ваша жизнь сделается очень интересной.

О'кей. Сейди говорит, чтобы я перестал болтать ни о чем и переходил к самой истории. Сейчас начну. В общем-то, все началось в Лондоне, в тот вечер, когда наш отец устроил взрыв в Британском музее.

Меня зовут Картер Кейн. Мне четырнадцать лет, а живу я в чемодане.

Думаете, я прикалываюсь? Ничуть. Мне было восемь, когда я начал путешествовать с отцом по всему миру. Родился я в Лос-Анджелесе, но мой отец – археолог, и потому работа заставляла его разъезжать по разным странам. Чаще всего мы бывали в Египте, поскольку отец специализировался на египетских древностях. Зайдите в книжный магазин, спросите книгу о Древнем Египте, и почти наверняка это будет книга, написанная доктором Джулиусом Кейном. Хотите узнать, как древние египтяне удаляли у мумий мозги? Как строили пирамиды? А о проклятии фараона Тутанхамона тоже хотите знать? Тогда книги моего отца – то, что вам нужно. Конечно, были и другие причины, заставлявшие отца постоянно переезжать с места на место, но тогда я еще ничего не знал о его тайне.

В школу я не ходил. Метод обучения, избранный моим отцом, называется домашним обучением. Не было только постоянного дома. Отец учил меня всему, что считал важным, и потому я много знаю о Древнем Египте, баскетболе и ведущих командах лиги, а также о любимых музыкантах отца. К тому же я привык много читать. Читал все, что попадалось под руку: от отцовских исторических книг до фантастических романов. А чем еще заниматься в гостиницах, аэропортах и на местах раскопок в других странах, где я никого не знал? Отец постоянно твердил: подолгу сидеть вредно. Требовал, чтобы я отложил книгу и пошел поиграть в мяч. Вы когда-нибудь пробовали найти себе партнеров по баскетболу в местах вроде египетского Асуана? Попробуйте, тогда поймете, почему я предпочитал чтение.

Отец довольно рано научил меня уместать все нужные вещи в одном чемодане, который разрешается брать в салон самолета как ручную кладь. Сам он тоже не возил ничего лишнего. Но ему позволялось держать при себе дополнительный рюкзак с рабочими инструментами. С самого начала наших путешествий отец установил для меня главное правило: нигде и никогда не совать нос в его рабочий рюкзак. Это правило я соблюдал вплоть до дня взрыва.

Это произошло накануне Рождества. Мы прилетели в Лондон, чтобы встретиться с моей сестрой Сейди.

Тут такое дело: поскольку дедушка и бабушка ненавидели отца, видеться с дочерью (в смысле, с моей сестрой) ему разрешалось два раза в год: зимой и летом. После смерти нашей мамы ее родители (в смысле, наши бабушка и дедушка) затеяли против отца большое судебное дело. Шесть адвокатов, две потасовки с отцом на кулаках и нападение на него с садовой лопатой (только чудом отец остался жив) – в результате всего этого за дедом и бабушкой закрепилось право оставить Сейди в Англии. Ей тогда было всего шесть (она на два года младше меня). Ее, как младшую, дед с бабушкой взяли к себе, объяснив, что им не по силам содержать нас обоих (так это или они просто не хотели меня брать – не знаю). И потому сестра превратилась в типичную английскую школьницу, а я мотался с отцом по свету. Сейди мы видели только два раза в год, о чем я ничуть не жалел.

[Заткнись, Сейди. Сейчас перейду к сути.]

Так вот. Наш рейс дважды откладывался. Наконец мы прилетели в Хитроу. Был холодный день. Моросил противный дождь. Все время, пока мы ехали на такси в город, отец был чем-то обеспокоен.

Мой отец – рослый и сильный. Трудно представить, что такой человек может из-за чего-то нервничать. У него, как и у меня, темная кожа и карие глаза, пронизывающие насквозь. Голову он брил наголо и носил клиновидную бородку. В общем-то, вид совсем не ученого, а какого-нибудь злодея из комиксов. В тот день на отце было кашемировое зимнее пальто и его лучший коричневый костюм, который он надевал, выступая с лекциями. Обычно от отца исходит такая уверенность, что он с легкостью подчиняет людей своей воле и главенствует во всем. Но иногда я видел и другую его сторону, которой совершенно не понимал. Сидя в такси, отец поминутно оглядывался назад, словно за нами гнались.

– Пап, что случилось? – спросил я, когда мы свернули с дороги А-40.

– Пока никаких признаков их присутствия, – пробормотал он.

Потом, спохватившись, что рассуждает вслух, он своим обычным голосом произнес:

– Ничего, Картер. Все в полном порядке.

Меня это насторожило. Отец здорово умел обманывать. Я всегда знал: он что-то от меня скрывает. Но я знал и другое: правду об этом никакой на свете силой из него не вытянуть. Наверное, он старался уберечь меня от чего-то. Вот только от чего? Может, от какой-то «тайны, покрытой мраком» и связанной с его прошлым? Может, его преследовал давнишний враг? Я не раз думал об этом, и эта мысль всегда казалась мне нелепой. Ну какие могут быть враги, если отец у меня археолог, а не гангстер?

И еще вот что меня насторожило: отец крепко сжимал в руках свой рабочий рюкзак. Я это видел не впервые и не сомневался: мы в беде. Так было в Каире, когда какие-то вооруженные люди атаковали нашу гостиницу. Отец тогда находился в холле на первом этаже. Я услышал выстрелы и помчался вниз, боясь, что его могли убить. Но когда я прибежал, отец спокойно застегивал молнию на рюкзаке. Трое нападавших находились без сознания и висели на люстре вниз головой. Их лица были закрыты задравшимися балахонами, так что я видел лишь волосатые ноги и трусы. Позже, когда появилась полиция, отец утверждал, что не был свидетелем происшедшего. Полицейские чесали затылки, пытаясь найти причину, заставившую вооруженных людей залезть на люстру и потерять сознание.

Другой случай произошел в Париже. Мы сами не знали, как оказались в гуще уличных беспорядков. Отец подошел к первой попавшейся машине, что стояла у тротуара, рванул дверцу, велел мне лезть на заднее сиденье и не поднимать головы. Сам он сел на переднее. Я слышал, как он роется в рюкзаке и что-то бормочет себе под нос. А в это время толпа орала и бесновалась, круша все на своем пути. Через несколько минут отец сказал, что можно выходить. Мы вышли. Вокруг не осталось ни одной машины, которая не была бы опрокинута или подожжена. Только та, где мы укрылись, сверкала так, будто выкатилась из автомойки. Под стеклоочистители было подсунуто несколько купюр в двадцать евро.

Я невольно проникся благоговением к отцовскому рюкзаку. Он был нашим амулетом, приносящим удачу. Но когда отец сжимал рюкзак в руках, это означало: впереди трудности.

Мы проехали через центр Лондона и свернули на восток; туда, где находилась квартира деда и бабушки. За окнами такси проплыли золотые ворота Букингемского дворца, высокая колонна Нельсона на Трафальгарской площади. Лондон – ничего себе город, но, когда долго путешествуешь, все города перемешиваются между собой. Бывало, другие ребята мне завидовали:

– Надо же, как тебе повезло! Столько путешествуешь!

Они думали, что мы с отцом глазеем на достопримечательности, живем в шикарных гостиницах и летаем первым классом. Все как раз наоборот. Отец всегда выбирал гостиницы подешевле. Сам он отправлялся читать лекцию или по другим делам, а я оставался в номере. Два-три дня, и снова в путь. Это больше походило на жизнь беженцев, чем туристов.

Только не делайте из этого вывод, что мой отец занимался опасной работой. Нет, он читал лекции. Например: «Действительно ли магия Древнего Египта способна вас убить?» Или: «Излюбленные наказания в древнеегипетском загробном мире». Сами понимаете, такие темы интересовали только специалистов. Но как я уже говорил, в жизни отца была и другая сторона. Он всегда отличался осторожностью. Где бы мы ни останавливались, отец вначале внимательно осматривал номер и только потом впускал меня. В музеях он не бродил часами по залам. Пройдет к нужным ему экспонатам, посмотрит, что-то запишет себе в блокнот и скорее к выходу. Я иногда думал: может, он боится камер слежения?

Однажды, когда я был помладше, мы со всех ног бежали через зал аэропорта имени Шарля де Голля, опаздывая на рейс. Отец нервно оглядывался и не успокоился, пока самолет не взмыл в воздух. Я его тогда спросил: зачем понадобилось приезжать в аэропорт в последнюю минуту и нестись так, словно мы от кого-то убегаем? Видели бы вы, как отец на меня посмотрел! Помню, в каком-то триллере маленький мальчишка случайно выдернул чеку гранаты. И когда его отец увидел... Вот такой же взгляд был и у моего отца. Знаете, я даже испугался, что сейчас услышу что-нибудь страшное. Но он лишь сказал:

– Ничего особенного, Картер. Все в порядке.

Ничего особенного. Хорошие словечки, чтобы скрыть страх перед чем-то ужасным.

После того случая я подумал, что лучше не задавать отцу подобных вопросов.

Фамилия деда и бабушки – Фауст. Они живут неподалеку от делового центра Кэнери-Уорф. Такси остановилось напротив их дома. Отец попросил водителя обождать.

Мы переходили улицу, когда отец вдруг застыл на месте. Он оглянулся назад.

– В чем дело? – спросил я.

Отец не ответил. Я тоже обернулся и увидел человека в длиннополом пальто. Он стоял, прислонившись к большому засохшему дереву. Человек был довольно грузным, с кожей цвета жареных кофейных зерен. Под расстегнутым пальто виднелся костюм в светлую полоску (пальто и костюм показались мне дорогими). Длинные волосы собраны в косичку, мягкая фетровая шляпа низко надвинута на лоб. Глаза были скрыты под круглыми темными очками. Он был чем-то похож на джазмена. Я так говорю потому, что отец часто брал меня на концерты, и я знаю, как одеваются многие джазовые музыканты. Глаз этого человека я не видел, но мне показалось, что он наблюдал за нами. Может, кто-то из старых друзей отца или его коллег-египтологов? Это меня не удивляло: отец встречал знакомых едва ли не в каждом городе. Станным было место. Почему этот человек стоял напротив дома, где жили дед, бабушка и Сейди? И вид у незнакомца был какой-то расстроенный.

– Картер, иди к дому, – велел мне отец.

– Но...

– Приведи Сейди. Я подожду вас в такси.

Сам он направился к человеку в длиннополом пальто. Мне оставалось одно из двух: последовать за отцом и посмотреть, к чему приведет их встреча, либо пойти за сестрой.

Я выбрал менее опасный вариант и пошел за Сейди.

Сейди уже ждала меня и открыла дверь раньше, чем я успел постучаться.

– Опять опоздал, – буркнула она.

На руках у нее сидела кошка Маффин – «прощальный подарок», сделанный отцом шесть лет назад. За эти годы Маффин ничуть не изменилась. Она была похожа на миниатюрного леопарда с пушистой желто-черной шерстью, настороженными желтыми глазами и остроконечными ушами, слишком большими для ее головы. На ошейнике висел серебряный египетский кулон. Кошка даже отдаленно не напоминала маленький кекс под названием маффин, но Сейди, давая ей имя, была еще маленькая. И вообще, искать логику в девчоночьих поступках...

С прошлого лета Сейди не особо изменилась.

[Ну вот, сейчас торчит рядом и сердито зыркает на меня. Чтобы не получить под ребро, буду, описывая ее внешность, думать над каждым словом.]

Вы бы ни за что не поверили, что она моя сестра. За шесть лет жизни в Англии она стала говорить как англичанка. И потом, внешностью она пошла в маму, а мама у нас была белая. Кожа Сейди гораздо светлее моей. И волосы у нее цвета карамели; до блондинки ей далеко, но она и не шатенка. Вдобавок ей нравится подкрашивать волосы разноцветными яркими прядями. На этот раз они были красными (хорошо, что только слева). И еще у нее синие глаза. Я не шучу. Синие, как были у нашей мамы. В свои двенадцать Сейди почти одного роста со мной, и меня это бесит. Ну вот, портрет готов.

В тот день Сейди, как всегда, двигала челюстями, жуя резинку. Приготовившись провести день с нами, она нарядилась в поношенные джинсы, кожаную куртку и тяжелые армейские ботинки. Похоже, собралась на концерт, где можно будет раздавить кого-нибудь из зрителей. На шее болтались наушники плеера. Понятно, если мы с отцом ей наскучим, благовоспитанная британская девочка заткнет себе уши.

[Надо же! Вытерпела и не въехала мне под ребра. Значит, согласна с таким портретом.]

– У нас рейс дважды откладывали, – сообщил я.

Сейди надула жвачку пузырем, потрепала кошку по голове и спустила с рук.

– Бабуль, я пошла! – крикнула она внутрь дома.

Оттуда донесся ответ бабушки Фауст. Слов я не расслышал, но, думаю, тоже что-нибудь традиционное вроде: «Не пускай их в дом».

Сейди закрыла дверь и устала на меня, как на дохлую мышь, принесенную Маффин.

– Ну что, снова? – спросила она.

– Ага, – ответил я.

– Тогда пошли, – вздохнула Сейди. – Продолжим родственное общение.

Вот такая у меня сестрица. Никаких тебе: «Привет! Как ты там провел эти полгода?» Никаких слов, что рада меня видеть. Но я не обижался. Когда видишься с родной сестрой дважды в год, привыкаешь относиться к ней как к дальней родственнице. Я считал, что у нас нет ничего общего, кроме родителей.

Мы спускались по ступенькам крыльца. От Сейди пахло жилищем стариков и жевательной резинкой. Я как раз думал об этом, когда она вдруг замерла. Еще немного, и я бы на нее налетел.

– Кто это там? – спросила Сейди.

Я почти забыл про толстяка в длиннополом пальто. Сейчас они с отцом стояли все под тем же высохшим деревом и, судя по всему, о чем-то здорово спорили. Отец находился к нам

спиной. Но мне было достаточно видеть его жестикуляцию. Значит, его что-то взбудоражило. Человек в шляпе хмурился и качал головой.

– Черт побери, – пробормотал я. – Этот тип толкался здесь, когда мы подъехали.

– Вроде лицо знакомое, – сказала Сейди, пытаясь вспомнить. – Идем.

– Папа просил нас обождать в машине.

Мало ли что он просил! У Сейди был свой план. Она не стала переходить улицу. Прячась за стоявшими машинами, сестра прошла полквартала, пересекла улицу и спряталась за низкой каменной стеной. Теперь Сейди чуть ли не по-пластунски стала подползать к месту, где стояли отец с толстяком. Мне оставалось последовать ее примеру, хотя при этом я чувствовал себя довольно глупо.

– Шесть лет в Англии, и любая девчонка становится Джеймсом Бондом, – проворчал я. Сейди наугад двинула меня локтем и продолжала ползти.

Вскоре мы очутились позади сухого дерева.

– ...Должен был это сделать, – услышал я отцовский голос. – Ты знаешь, Амос, это правильное решение.

– Нет, – низким голосом возразил тот, кого звали Амосом.

Он говорил настойчиво, будто из последних сил старался переубедить отца. Манера речи выдавала в нем американца.

– Джулиус, если я тебя не остановлю, это сделают они. Пер Анкх уже висит над тобой.

– Какой еще Пер? – шепотом спросила Сейди.

Можно подумать, что я знаю ответ на любой вопрос.

Зато я знал другое: надо убираться, иначе мы с Сейди вляпаемся в крупную неприятность. Услышав об этом, моя сестрица только фыркнула.

– Они не знают моего плана, – продолжал отец. – А к тому времени, когда догадаются...

– А дети? – спросил Амос, и от его вопроса у меня волосы встали дыбом. – Что будет с ними?

– Я принял защитные меры, – ответил отец. – Пойми: если я этого не сделаю, опасность грозит всем нам. А теперь отойди.

– Не могу, Джулиус.

– Хочешь потягаться со мной? – на полном серьезе спросил отец. – Амос, тебе меня не одолеть.

Отца в разъяренном состоянии я не видел со времени «великого лопаточного инцидента», и мне очень не хотелось повторения. Однако они с Амосом были близки к тому, чтобы сцепиться.

Я еще ничего не успел придумать, как Сейди выпрямилась во весь рост и крикнула:

– Папа!

Отец удивился, увидев дочь совсем не в том месте, где ей полагалось находиться. Сейди перепрыгнула через заборчик и повисла у отца на шее. Амос, надо сказать, удивился еще сильнее. Он резко повернулся и едва не шлепнулся, наступив себе на пальто. Он устоял и даже вовремя поймал очки, грозившие слететь с носа. Сейди была права: я тоже где-то видел этого человека. Только где и когда?

– Я... мне пора, – пробормотал Амос.

Он поправил съехавшую шляпу и, переваливаясь, зашагал по тротуару. Отец глядел ему вслед. Одной рукой отец обнимал Сейди, другой – поправлял на плече свой рабочий рюкзак. Когда Амос скрылся за углом, отец облегченно вздохнул и улыбнулся Сейди.

– Ну, здравствуй, моя дорогая.

Сейди вывернулась из его объятий и встала, скрестив руки.

– К дорогим не опаздывают. Ты же знаешь, когда я должна быть дома. И что тут вообще было? Кто этот Амос и что еще за «пер анкх»?

Отец остолбенел. Он взглянул на меня. Наверное, прикидывал, многое ли мы с Сейди успели подслушать.

– Все это пустяки, – ответил он.

Так мы и поверили! Но похоже, еще больше поверить в это нужно было ему самому.

– А что вы скажете насчет особой экскурсии по Британскому музею?

Мы втроем уселись на заднее сиденье. Сейди плюхнулась между мною и отцом.

– Уму непостижимо, – по-старушечьи ворчала она. – Один вечер вместе с родной дочерью, и тут не удержаться от своих исследований.

Отец натянуто улыбнулся.

– Дорогая, будет очень увлекательно. Хранитель коллекций Древнего Египта лично пригласил.

– Велика важность! – фыркнула Сейди и тряхнула головой, убирая с лица красную прядь. – Канун Рождества, а мы идем смотреть заплесневелое египетское старье. Ты вообще способен думать о чем-то еще? Или только о своих чертовых мумиях, каменных плитах и прочей дребедени?

Скажи это я, отец бы на меня разозлился. Но на Сейди он никогда не злился. Он просто смотрел из окна на темнеющее небо и дождь.

– Да, дорогая. Способен, – тихо ответил он.

Когда отец говорил тихо и глядел в пространство, я знал: он думает о нашей маме. За последние несколько месяцев с ним это бывало очень часто. Сколько раз я приходил в гостиничный номер и видел отца с мобильником в руке, а с дисплея ему улыбалась мамина фотография. Мама снималась на фоне пустыни. Волосы она убрала под платок, а синие глаза восторженно глядели в мир.

И на раскопках я часто заставал отца разглядывающим горизонт. Он вспоминал, как они с мамой познакомились. Тогда они были молодыми учеными, оказавшимися в Долине царей<sup>1</sup>, где обнаружили затерянную гробницу. Отец занимался египтологией, а мама была антропологом и искала древние образцы ДНК. Эту историю он мне рассказывал не менее тысячи раз.

Такси вывернуло на набережную Темзы. Мы проехали мимо моста Ватерлоо. Отец встрепенулся.

– Остановитесь на минутку, – попросил он водителя.

Мы находились на набережной Виктории.

– Пап, зачем мы здесь остановились? – спросил я.

Он вылез из машины, будто и не слышал моего вопроса. Мы с Сейди тоже вылезли. Отец глядел на Иглу Клеопатры<sup>2</sup>.

Если вы ничего о ней не знаете, я быстренько расскажу. Игла – это обелиск. Он вовсе не похож на иглу и к Клеопатре никакого отношения не имеет. Наверное, англичанам такое название просто показалось крутым. Высота обелиска – около семидесяти футов. Наверное, на своем прежнем месте он выглядел высоким, а среди высоких зданий вид у него невзрачный и какой-то печальный. Можно проехать мимо и даже не заметить, что эта каменная штучка на тысячу лет древнее Лондона.

---

<sup>1</sup> Долина царей находится на западном берегу Нила, напротив древних Фив (современный Луксор). В XVI–IX вв. до н. э. служила местом захоронения фараонов. С конца XVIII в. остается центром археологических и египтологических исследований. Особую известность приобрела в связи с находкой гробницы Тутанхамона и его «проклятием». (*Здесь и далее прим. перев.*)

<sup>2</sup> Утвердившееся название трех древнеегипетских обелисков, ныне находящихся в Лондоне, Нью-Йорке и Париже. Лондонская Игла (ее высота 21 м) была подарена Англии в 1819 г. тогдашним правителем Египта в память о победах англичан в битвах на Ниле и возле Александрии. Из-за финансовых трудностей обелиск был перевезен в Англию лишь в 1877 г. и через год установлен в Лондоне.

Сейди обошла вокруг Иглы.

– Мы что, будем останавливаться возле каждого памятника? – угрюмо спросила она.

Отец глядел на вершину обелиска.

– Мне нужно было ее увидеть, – бормотал он. – Тут все и произошло...

С реки дул ледяной ветер. Мне хотелось поскорее вернуться в такси, но меня все больше настораживало поведение отца. Таким отрешенным я его еще не видел.

– Пап, ты о чем? Что здесь произошло? – спросил я.

– Это последнее место, где я ее видел.

Сейди остановилась и покосилась сначала на меня, потом на отца.

– Кого ее? Ты говоришь про маму?

Отец провел ладонью по ее волосам. Сейди была настолько удивлена, что даже не оттолкнула отцовскую руку.

Мне показалось, что я превратился в ледышку. Мамина смерть всегда была запретной темой. Она погибла в Лондоне в результате несчастного случая. Это все, что я знал. Дед и бабушка винили в ее гибели моего отца, но никто никогда не рассказывал мне подробностей. Сначала я приставал к отцу с расспросами, потом перестал. Во-первых, от моих вопросов он становился очень грустным. А во-вторых – он наотрез отказывался говорить об этом.

«Потом, когда будешь постарше», – это все, чего можно было от него добиться, и от такого ответа мне становилось еще тошнее.

– Ты говоришь, что мама погибла здесь? – спросил я. – Возле Иглы Клеопатры?

Отец опустил голову.

– Папа! – не отставала Сейди. – Я хожу здесь каждый день. И даже не знала, что мама погибла на этом месте! Почему ты от нас скрывал?

– Твоя кошка еще с тобой? – неожиданно спросил отец.

Странный вопрос он задал. Даже глупый.

– Представь себе, со мной. Но при чем тут кошка? Какое отношение она имеет к маминей смерти?

– А твой амулет? – спросил отец.

Рука Сейди коснулась шеи. Незадолго до того, как мы с Сейди разлучились, отец подарил нам обоим по египетскому амулету. Мне он подарил Глаз Гора<sup>3</sup> – очень популярный в Древнем Египте символ, оберегающий от злых сил.



Отец рассказывал, что знак Rx, которым современные врачи обозначают рецепт, – это упрощенная версия Глаза Гора, поскольку медицина тоже оберегает человека от злых сил.

Свой амулет я всегда носил под рубашкой. А что касается Сейди – не знаю. Вполне могла потерять или выкинуть.

Но к моему удивлению, Сейди сказала:

---

<sup>3</sup> Левый, соколиный глаз Гора, выбитый в поединке с Сетом. Правый глаз символизировал солнце, левый – луну. Амулет в виде Глаза Гора был любим и фараонами, и простым народом. Другие названия – Око Ра и Уаджет.

– Мой амулет при мне. Но ты, папа, уходишь от темы. Бабушка до сих пор считает, что мама погибла по твоей вине. Ведь это неправда? Скажи!

Мы с сестрой ждали его ответа. Впервые мы оба хотели одного и того же – узнать правду.

– В тот вечер, когда мама погибла... Это случилось здесь, возле Иглы...

Он не договорил. Где-то поблизости вспыхнул ярчайший свет. Я успел разглядеть две фигуры: высокого бледного мужчину с раздвоенной бородкой и меднокожую девушку. Мужчина был одет в странную одежду кремового цвета. Синяя одежда девушки и ее платок на голове были мне знакомы; такую одежду я часто видел в Египте. Пришельцы находились от нас в двадцати футах. Мне показалось, они нас внимательно разглядывали. Затем свет погас, а фигуры превратились в остаточное изображение, какое бывает, когда выключишь телевизор. Постепенно глаза привыкли к темноте. Фигуры исчезли.

– Ничего себе, – сказала явно испуганная Сейди. – Вы видели?

– Идем в машину. – Отец буквально потащил нас к такси. – Мы и так опаздываем.

Понятное дело, говорить в машине о маминой гибели отец не стал.

– Неподходящее место, – сказал он в ответ на наши вопросительные взгляды.

Отец пообещал таксисту десять фунтов сверху, если тот за пять минут довезет нас до Британского музея. Водитель старался изо всех сил.

– Пап, эти люди на набережной... – попытался спросить я.

– И странный Амос, – подхватила Сейди. – Они что, египетская полиция?

– Слушайте внимательно, – тихо произнес отец. – Сегодня мне понадобится ваша помощь. Знаю, для вас это будет тяжело, но вы должны проявить терпение. Обещаю, что в музее все вам объясню. Я намерен все восстановить.

– Что восстановить? – насторожилась Сейди. – И как?

Лицо отца было не просто печальным. Он выглядел почти виноватым. Я вспомнил недавние слова Сейди, и у меня похолодела спина. Дед и бабушка до сих пор обвиняли отца в маминой гибели. Может, он говорил об этом? Но как можно «исправить» гибель человека?

Такси вывернуло на Грейт-Рассел-стрит и остановилось у главных ворот музея.

– Я прошу выполнять все мои распоряжения, – сказал отец. – Когда встретимся с хранителем, ведите себя нормально.

Вряд ли Сейди знала, как ведут себя нормально, но я решил промолчать.

Мы вышли из такси. Отец расплатился с водителем, а потом... потом он сделал что-то странное: бросил на заднее сиденье горсть мелких камешков. Может, это были и не камешки, не знаю.

– Поезжайте дальше, – велел отец таксисту. – Отвезите нас в Челси.

Отцовские слова показались мне полной ерундой. При чем тут Челси, если мы уже вылезли из машины? Однако водитель поспешно захлопнул дверцу и рванул с места. Такси завернуло за угол и исчезло. Возможно, мне почудилось, но на заднем сиденье я видел три фигуры: взрослого и двух подростков.

Я растерянно заморгал. Невозможно, чтобы таксист мгновенно успел найти себе новых пассажиров. И потом, что за странные слова произнес отец? Он не любил дурацких шуток.

– Пап...

– Лондонские такси долго не пустуют, – тоном знатока лондонских такси заявил отец. – Идемте, дети. Нас заждались.

Он толкнул створку чугунных ворот. Мы с Сейди остановились и переглянулись.

– Картер, что все это значит?

– Сам не знаю. И не очень хочу знать.

– Можешь оставаться здесь и мерзнуть. А я не успокоюсь, пока не получу объяснения. Сейди повернулась и пошла вслед за отцом.

Вспоминая все это, скажу: мне надо было бы бежать оттуда со всех ног и как можно дальше. И Сейди утащить с собой. Но вместо этого я тоже прошел через музейные ворота.

## 2. Взрыв на рождество

*Картер*

Я уже бывал в Британском музее. По правде говоря, я бывал в стольких музеях, что лучше об этом не говорить. А то вы будете считать меня полнейшим занудой.

[Слышите? Это Сейди вопит, что я и есть полнейший зануда. Спасибо, сестричка!]

Музей был закрыт. В его окнах не горел свет, но хранитель и двое охранников ждали нас на ступенях.

Хранитель оказался невысоким лысым человеком. Его лысина блестела, словно ее чем-то смазали. Я видел мумии, у которых было больше волос и зубы в более приличном состоянии. Он долго тряс отцу руку. Мне это напомнило встречу какой-нибудь рок-звезды.

– Здравствуйте, здравствуйте, доктор Кейн! Ваша последняя работа по Имхотепу<sup>4</sup> – какой блеск! Не представляю, как вам удалось перевести эти заклинания.

– Им-хо... Это кто? – шепотом спросила Сейди.

– Имхотеп. Сановник высокого ранга. Архитектор. Говорят, он был еще и магом. Спроектировал первую ступенчатую пирамиду. Думаю, это ты знаешь.

– Не знаю и знать не хочу, но спасибо за разъяснение, – ответила Сейди.

Отец поблагодарил хранителя за любезное разрешение посетить музей в это предпраздничное время.

– Доктор Мартин, позвольте вам представить Картера и Сейди, – сказал отец, опуская ему руку на плечо.

– Так-так. Это, само собой, ваш сын. – Тут хранитель озадаченно уставился на Сейди. – А кто эта юная леди?

– Моя дочь.

Доктор Мартин тупо моргал. Кому не нравится считать себя человеком широких взглядов и вдобавок вежливым! Но всех выдает выражение лица, когда они слышат, что Сейди – из нашей семьи. Сначала меня это бесило. С годами я привык и не ожидал другой реакции.

– Конечно, конечно, – забормотал доктор Мартин, возвращая себе улыбку. – Прошу вас сюда, доктор Кейн. Мы весьма польщены вашим визитом.

Охранники заперли входные двери, затем взяли наш багаж. Один из них нагнулся над отцовским рюкзаком.

– Нет, спасибо, – натянуто улыбнулся отец. – Это я ношу сам.

Охранники остались в вестибюле, а нас хранитель повел в Большой двор<sup>5</sup>. Вечером он выглядел жутковато. Тусклый свет, проникавший сквозь стеклянную сетчатую крышу, превращал стены в настоящую паутину перекрещивающихся теней. Мы шли по белому мраморному полу, и эхо копировало каждый наш шаг.

– Камень. Камень, – повторял отец.

– Даже не представляю, какие тайны вы надеетесь из него извлечь, – сказал удивленный хранитель. – Это же наш самый известный экспонат, изученный вдоль и поперек несколькими поколениями египтологов.

– Конечно, – согласился отец. – Но иногда бывают сюрпризы.

– Что папа задумал? – шепотом спросила Сейди.

Я не ответил. Я догадывался, о каком камне шла речь.

---

<sup>4</sup> Имхотеп («пришедший в мир») – первый в мировой истории архитектор и ученый.

<sup>5</sup> Сравнительно новый фрагмент Британского музея, возникший после переезда знаменитой музейной библиотеки в другое здание (конец XX в.).

Непонятым оставалось другое: зачем отцу понадобилось тащиться сюда под Рождество да еще вместе с нами?

Если бы не та чертова вспышка и двое неизвестных, отец рассказал бы нам что-то очень важное, связанное с гибелью нашей мамы возле Иглы Клеопатры. Сейчас он шел, постоянно озираясь по сторонам. Неужели боялся, что странная парочка может появиться снова? Как они сюда проберутся, когда в музее полно охранников и хитроумных систем наблюдения? Уж здесь-то нас никто не потревожит. Так я думал и надеялся.

Мы свернули в Египетское крыло. Вдоль стен темнели статуи фараонов и богов, но отец шел мимо них, направляясь в главное экспонату в центре зала.

– Какая красота, – пробормотал отец. – Надеюсь, это не копия?

– Нет, что вы, – заверил его хранитель. – В обычные дни мы, само собой, выставляем копию. Но для вас поставили подлинник.

Перед нами был кусок темно-серой скалы высотой около трех футов и шириной фута в два. Он стоял на пьедестале, защищенный стеклянным куполом. Поверхность камня покрывали три яруса высеченных строк. Вверху тянулись традиционные египетские иероглифы. Средняя часть... Тут я напряг память и вспомнил, как отец называл эту письменность. Демотическое письмо. Оно распространилось во времена, когда в Египте правили греки и в египетский язык проникло много греческих слов. Это было что-то среднее между иероглифами и буквенным письмом. Строки нижнего яруса были написаны по-гречески.

– Розеттский камень, – догадался я.

– А при чем тут компьютерная программа? – удивилась Сейди.

Мне хотелось обзвать ее душой, но меня опередил хранитель. Он нервно рассмеялся и сказал:

– Простите, юная леди, но этот камень появился гораздо раньше компьютеров. Он послужил ключом к расшифровке египетских иероглифов. Розеттский камень был найден солдатами армии Наполеона в одна тысяча семьсот девяносто девятом году и...

– Да, правильно, – закивала Сейди. – Теперь вспомнила.

Ничего-то она не вспомнила. Просто согласилась, чтобы этот лысый тип заткнулся со своей популярной лекцией. Но неожиданно лекцию продолжил наш отец:

– Видишь ли, Сейди, до находки этого камня простые смертные... я хотел сказать, люди веками бились над расшифровкой египетских иероглифов. Принципы древней письменности считались утраченными навсегда. Но английский ученый – его звали Томас Янг<sup>6</sup> – доказал, что все надписи на Розеттском камне передают одни и те же сведения. Его работу продолжил другой ученый – француз Шампольон<sup>7</sup>. Он сумел, говоря современным языком, «взломать код» иероглифов.

– Ну и что на нем написано? – спросила Сейди, равнодушно жуя резинку.

– В общем-то, ничего особенного, – ответил отец. – Нечто вроде благодарственного письма от нескольких жрецов, адресованного тогдашнему египетскому царю Птолемею Пятому<sup>8</sup>. В те далекие времена Розеттский камень никакой особой ценности не представлял. Но за века он превратился в могущественный символ. Пожалуй, это самое важное связующее звено между Древним Египтом и современным миром. Я был просто глупец, что раньше не сообразил насчет его потенциала.

Отец забыл и о хранителе, и о нас с Сейди.

– Доктор Кейн, с вами все в порядке? – осторожно спросил хранитель.

---

<sup>6</sup> Томас Янг (1773–1829) – разносторонне одаренный английский ученый, сумевший частично расшифровать надписи на Розеттском камне.

<sup>7</sup> Жан Франсуа Шампольон (1790–1832) – французский египтолог.

<sup>8</sup> Птолемей V Эпифан – правитель Египта из династии Птолемеев (210–180 гг. до н. э.).

– Простите, доктор Мартин. Это просто... мысли вслух. Скажите, можно хотя бы частично убрать стеклянный колпак? И пожалуйста, принесите из вашего архива документы, о которых я просил.

Хранитель кивнул. Он достал из кармана небольшой пульт, нажал кнопку, и передняя стенка колпака открылась.

– Мне понадобится несколько минут, чтобы сходить за бумагами, – сказал доктор Мартин. – Вы понимаете, какую ответственность я на себя беру, оставляя Розеттский камень незащищенным? Надеюсь, вы будете осторожны.

Он выразительно поглядел на нас с Сейди.

– Мы будем очень осторожны, – пообещал отец.

Едва стихли шаги хранителя, отец повернулся к нам.

Вид у него был крайне возбужденный.

– Дети, настал очень важный момент. Вам нужно уйти подальше от камня.

Отец сбросил рюкзак с плеча, дернул молнию и достал изнутри велосипедную цепь и висячий замок.

– Идите за доктором Мартином, – велел он нам. – Его кабинет в конце Большого двора, слева. Вход там только один. Как только доктор войдет внутрь, обмотайте дверные ручки цепью, и поплотнее. Потом замкните ее на замок. Мне нужно, чтобы он здесь не появлялся.

– Ты хочешь запереть его внутри? – обрадовалась Сейди. – Во клево!

– Пап, что все это значит? – спросил я.

– У нас нет времени для объяснений, – ответил отец. – Это наш последний шанс. Они уже близко.

– Кто они? – не поняла Сейди.

Отец обнял ее за плечи.

– Дорогая моя, я очень тебя люблю. Я виноват... я виноват во многом. Но сейчас мне действительно не до объяснений. Если мой план удастся, обещаю, жизнь всех нас станет гораздо лучше. Картер, рассчитываю на тебя как на взрослого мужчину. Ты должен мне верить. Повторяю: запирайте доктора Мартина. А потом... держитесь подальше от этого зала!

Запереть хранителя в кабинете было просто. Мы еще не знали, куда теперь идти, когда увидели яркий голубой свет, струящийся из Египетской галереи. Казалось, отец установил там огромный светящийся аквариум.

– Ты что-нибудь в этом понимаешь? – спросила Сейди.

– Ничего, – сознался я. – В последнее время папа вел себя странно. Много думал о маме. Постоянно смотрел на ее фото.

Больше я ей ничего не сказал. Не хотелось. Но Сейди вроде поняла.

– А что он носит в своем рюкзаке?

– Этого я не знаю. Он запретил мне совать туда нос.

От удивления брови Сейди поползли вверх.

– И ты ни разу не заглянул? Ой, Картер, как же это на тебя похоже! Безнадежно послушный мальчик!

Я хотел возразить, но тут под ногами задрожал пол. Сейди схватила меня за руку.

– Ну что, послушный мальчик? Останешься тут, потому что папа запретил возвращаться к камню?

Честно говоря, меня не тянуло туда возвращаться, однако Сейди уже понеслась в том направлении. Помедлив, я бросился следом.

У входа в Египетскую галерею мы остановились как вкопанные. Отец стоял перед Розеттским камнем, спиной к нам. Вокруг него на полу ярко светился голубой круг, будто там были спрятаны неоновые трубки и их сейчас включили.

Отец снял пиджак. В ногах у него лежал раскрытый рюкзак, и оттуда торчала деревянная шкатулка длиной около двух футов, расписанная египетскими иероглифами.

– Что у него в руках? – шепотом спросила Сейди. – Это бумеранг?

Изогнутая белая палка, которой размахивал отец, действительно была похожа на бумеранг. Но он не бросил эту палку, как бросают бумеранги, а коснулся ею Розеттского камня. Сейди затаила дыхание. Отец писал на камне! От каждого прикосновения на граните вспыхивали голубые иероглифы.

Бессмыслица какая-то. Ну как он мог писать слова этой палкой? Но глупо было спорить со своими глазами, а они видели комбинацию иероглифов: бараньи рога, а чуть пониже – знаки, похожие на прямоугольник и букву «Х».



– Откройся, – прошептала Сейди.

Она что, болтала наобум? Или действительно переводила смысл иероглифов? В это мне не верилось. Даже я, каждый день видя иероглифы, мог прочитать очень немногие из них. Запомнить все их сочетания невероятно трудно.

Отец поднял руки и нараспев произнес:

– Во-сиир, и-еи.

На поверхности Розеттского камня появилось еще несколько светящихся иероглифов.



Представляете, в каком я был состоянии! Но даже это не помешало мне узнать самый первый символ в виде глаза. Он означал имя древнеегипетского бога мертвых.

– Во-сиир, – шепотом повторил я.

Я ни разу не слышал, как произносится этот иероглиф, однако сразу догадался: это Осирис.

– Осирис, приди, – перевела его слова Сейди.

У нее изменился голос, будто ее загипнотизировали. Но моя сестра находилась в полном сознании. Ее глаза округлились от ужаса.

– Нет! – закричала она. – Папа, не надо!

Отец повернулся к нам.

– Дети... – только и сумел выговорить он.

Было слишком поздно. Пол под ногами затрясся. Послышался грохот. Голубой свет превратился в ослепительно белый и... Розеттский камень взорвался.

Не знаю, сколько времени я провел без сознания. Первое, что я услышал, придя в себя, был смех. Жуткий, торжествующий смех. Он перекрывал вой сирен музейной системы безопасности.

Мне казалось, что по моему телу проехали трактором. Я сел. Голова кружилась. Во рту застрял кусочек Розеттского камня, который я тут же выплюнул. Взрыв разворотил галерею. На полу догорали огненные лужицы. Взрывной волной опрокинуло громадные статуи. Саркофаги были сброшены со своих пьедесталов. Взрыв был такой силы, что осколки Розеттского камня оказались врезаны в колонны, стены и в другие экспонаты.

Сейди лежала рядом со мной. Она не пострадала. Я потряс ее за плечо.

– Фу, – выдохнула она.

Там, где еще недавно стоял Розеттский камень, дымился закопченный до черноты пьедестал. Пол тоже почернел и чем-то стал похож на паутину теней, которую мы видели по дороге сюда. Но голубой сияющий круг сохранился.

Отец смотрел в нашу сторону, но не на нас. На его макушке кровоточила рана. В руках он крепко сжимал бумеранг.

Я не сразу понял, на кого же он смотрит, но тут раздался новый взрыв этого дьявольского смеха. И тогда я увидел.

Смеющийся находился между отцом и нами. Поначалу я разглядел лишь волны нагретого воздуха. Затем, присмотревшись, увидел огненные очертания человеческой фигуры.

Он был выше нашего отца, а его смех резал по моим ушам, как визг бензопилы.

– Отличная работа, – сказал он отцу. – Ты хорошо постарался, Джулиус.

– Я не собирался тебя вызывать, – дрожащим голосом ответил отец.

Он занес над головой бумеранг, но огненный человек слегка шевельнул пальцем, и белая палка выскочила из отцовской руки, ударилась о стену и разлетелась в щепки.

– А меня и не вызывают, Джулиус, – насмешливо промурлыкал огненный человек. – Но когда ты открываешь дверь, будь готов к тому, что через нее пройдут не только те, кого ты звал.

– Возвращайся в Дуат!<sup>9</sup> – громовым голосом потребовал отец. – Я обладаю силой великого царя!

– Ой, как страшно, – засмеялся огненный человек. – Ты не умеешь пользоваться этой силой. Но даже если бы и умел, тот, кого ты называешь великим царем, – мне не соперник. Я сильнее всех. А теперь ты разделишь его судьбу.

Я не знал, кто этот огненный человек и откуда он явился. Но что-то подсказывало мне: надо помочь отцу. Я попытался схватить валявшийся рядом обломок камня. Руки меня не слушались. От страха у меня онемели и не сгибались пальцы. Хорош помощничек.

В глазах отца ясно читалось предостережение. Он молчаливо приказывал нам убираться отсюда. Я понял: он намеренно держал огненного человека к нам спиной, надеясь, что мы сумеем скрыться незамеченными.

Сейди по-прежнему находилась в заторможенном состоянии. Мне удалось оттащить ее за колонну, где было темно. Она пыталась возражать. Тогда я закрыл ей рот рукой. Это сразу привело сестру в чувство. Она сообразила, что к чему, и перестала сопротивляться.

---

<sup>9</sup> В мифологии Древнего Египта – загробный (Нижний) мир.

Вокруг нас по-прежнему выли сирены. На полу продолжали пылать огненные лужицы. Я каждую секунду ожидал появления охранников, хотя встреча с ними ничего хорошего нам не обещала.

Не сводя глаз со своего врага, отец присел на корточки и открыл расписную шкатулку. Оттуда он достал плоскую палочку, напоминающую обычную линейку. Затем отец что-то пробормотал, и палочка превратилась в длинный жезл.

Сейди пискнула. Наверное, со страху. Врать не буду: мне тоже было страшно.

Отец бросил жезл огненному человеку под ноги. Жезл превратился в огромную змею с медной чешуйчатой кожей и красными сверкающими глазами. Длинной эта змеюга была не менее десяти футов, а шириной – с меня. Змея бросилась на огненного человека, но тот легко схватил ее за шею. Его рука раскалилась добела. Не прошло и нескольких секунд, как змея сгорела дотла.

– Старый трюк, Джулиус, – укоризненно сказал огненный человек.

Отец взглянул на нас, снова давая понять, чтобы мы уходили отсюда. Какая-то часть меня отказывалась верить в реальность происходящего. Возможно, я по-прежнему находился без сознания. Или во власти кошмара. Сейди в реальности не сомневалась. Ее рука тянулась к большому обломку камня.

– Сколько вас? – быстро спросил отец, по-прежнему стараясь удерживать внимание огненного человека на себе. – Скольких я освободил?

– Как будто не знаешь. Всех пятерых, – ответил тот.

Меня покорило его тон. Этот огненный выскочка говорил с нашим отцом, как с маленьким ребенком, которому нужно объяснять простые вещи.

– Ты же знаешь, Джулиус: мы держимся стаей. Скоро я освобожу многих других, и они за это будут мне очень признательны. Я снова стану правителем.

– Дни демонов, – сказал отец. – Тебя успеют вовремя остановить.

Огненный человек захохотал.

– Думаешь, Дом способен меня остановить? Эти старые дурни не способны даже прекратить свои вечные междоусобицы. Мы начинаем заново, и теперь вам уже ни за что не подняться!

Огненный человек взмахнул рукой. Голубой круг на полу заметно потемнел. Отец схватился за шкатулку, но она, как живая, отскочила в сторону.

– Прощай, Осирис, – сказал огненный человек.

Он опять взмахнул рукой, и отец оказался заключенным в сверкающий гроб. Поначалу гроб был прозрачным. Отец отчаянно пытался выбраться оттуда. Руками и ногами он колотил по прозрачным стенкам, но тщетно. А стенки стали покрываться золотом, и вскоре гроб превратился в золотой египетский саркофаг, украшенный драгоценными камнями. Отец в последний раз успел взглянуть на меня. Его губы шевельнулись. Я знал, какое слово он произнес: «Бегите!» А затем гроб скрылся под полом, будто это был не мрамор, а вода.

– Папа! – заорал я.

Сейди швырнула камень, но тот пролетел сквозь голову огненного человека, не причинив ему ни малейшего вреда.

Он повернулся к нам, и я увидел его лицо. Точнее, я опять видел какую-то ерунду. Казалось, я смотрю на компьютерный экран, где кто-то совместил два лица. Одно – почти человеческое, бледное, жестокое, с выступающими скулами и горящими красными глазами. Другое скорее напоминало морду зверя с темной шкурой и острыми клыками. Не собачью, не волчью и не львиную. Такого зверя я никогда не видел. Красные глаза смотрели на меня, и я понимал, что сейчас мне настанет конец.

Позади послышался топот бегущих ног. Кто-то выкрикивал распоряжения. Сюда спешили охранники, а может, полиция. Только вряд ли они успеют.

Огненный человек бросился на нас. Он был на расстоянии нескольких дюймов, когда что-то вдруг отбросило его назад. В воздухе трещали электрические разряды. Амулет на моей шее стал нестерпимо горячим.

Огненный человек приглядывался ко мне.

– Так это... ты, – прошипел он.

Здание музея опять содрогнулось. Часть стены в противоположном конце зала ярко вспыхнула и взорвалась. Оттуда вышли мужчина и девушка, которых мы видели возле Иглы. Их одежды развевались, как на ветру. Оба держали в руках по жезлу.

Огненный человек зарычал.

– Скоро увидимся, мальчишка, – прошипел он, еще раз взглянув на меня.

Я не знал, куда он делся. В зале начался пожар. В воздухе разлился нестерпимый жар. Мне стало нечем дышать, и я повалился на пол.

Последнее, что я помнил, – человека с раздвоенной бородкой и девушку в синей одежде. Они склонились надо мной. Топот и крики все приближались. Девушка нагнулась ко мне и сняла со своего пояса длинный кривой кинжал.

– Мы должны действовать быстро, – сказала она человеку с бородкой.

– Не торопись, – ответил он. В его голосе чувствовался французский акцент. – Чтобы их уничтожить, нужно выбрать точное время.

Я закрыл глаза и опять потерял сознание.

### 3. Мы с кошкой – узницы

*Сейди*

[Отдай мне микрофон.]

Привет! Это Сейди. Мой братец – никудышный рассказчик. Вы уж его простите. Но теперь я буду рассказывать, и вам все станет ясно.

Итак, что мы имеем? Взрыв. Розеттский камень разлетелся на миллиард кусочков. Отец вытащил черт-те знает откуда злощестного огненного типа. Тот затолкал нашего папочку в гроб. Мало того, появились какой-то жуткий француз и арабская девица с кинжалом. Мы с Картером грохнулись в обморок. Вот вкратце о событиях в Британском музее.

Когда я очнулась, меня не особо удивило обилие полицейских. А как же иначе? Они тут же оттерли меня от Картера. Я не слишком возражала. От него одни проблемы. Гораздо хуже то, что полицейские заперли меня в кабинете хранителя. На целую вечность. И сделали они это с помощью папиной велосипедной цепи и его замка. Кретины!

Как я себя чувствовала? Почти как Розеттский камень. На меня едва не наскочил этот огненный придурок. У меня на глазах отец очутился в саркофаге и ушел под пол. Я думала, полицейским будет важно об этом знать. Как бы не так! Они даже слушать не стали.

Что еще хуже – у меня окоченел затылок, будто туда навтыкали ледяных иголок. Это началось, когда я смотрела на голубые иероглифы, которые отец рисовал на Розеттском камне. Почему-то я знала их значение. Откуда? Возможно, наследственное заболевание. Могут ли скукотные знания по этой... египтологии передаваться по наследству? Выходит, что могут.

Моя жвачка давным-давно потеряла всякий вкус. Только тогда полицейская тетка вспомнила о моем существовании и выпустила меня из кабинета хранителя. Никаких вопросов она мне не задавала. Запихнула в полицейскую машину и отвезла домой. Я хотела все рассказать деду с бабушкой, но тетка вела себя так, будто и впрямь была моей теткой. Она отвела меня в мою комнату и велела ждать.

Ненавижу ждать.

Я ходила из угла в угол. Между прочим, моя комната размером не с музейный зал. Обыкновенная чердачная комнатенка с одним окном, письменным столом и кроватью. Маффин обнюхивала мне ноги, а ее хвост крутился, как ершик для мытья бутылок. Думаю, она была не в восторге от музейных запахов. Потом моя киса зашипела и скрылась под кроватью.

– Спасибо за поддержку, – проворчала я.

Может, меня решили одурачить? Подумали, что я маленькая и буду сидеть внутри, раз взрослые велели? Я открыла дверь. Вот те на! Тетка, как часовой, стояла на посту.

– Инспектор вскоре освободится и побеседует с тобой, – сказала она. – А пока жди у себя.

Я успела посмотреть вниз. Дед ходил взад-вперед по гостиной, заламывая руки. Картер сидел на диване и говорил с полицейским инспектором. Жаль, мне было не расслышать, о чем они говорят.

– А в туалет можно сходить? – спросила я у доблестной надсмотрщицы.

– Нет.

Она втолкнула меня в комнату и закрыла дверь. Неужели боялась, что я взорву унитаз? А если меня действительно приперло? Я ж не щенок, чтобы делать лужу на полу!

Я достала свой iPod, просмотрела плейлист. Ничего слушать не хотелось. Если уж меня на музыку не тянет, это очень дрянной признак. Интересно, почему Картера допрашивали первым? Он тут не живет. Это нечестно.

От нечего делать я теребила цепочку своего амулета. Я никогда не интересовалась значением фигурки, болтающейся на цепочке. Амулет Картера – какой-то глаз. А мой – что-то вроде ангела. Или инопланетного робота-убийцы.



И чего это отцу приспичило спрашивать, сохранился ли у меня амулет? Ну, сохранился. Дальше что? Единственный подарок, который я видела от отца. Маффин не в счет. При ее отношении ко мне вряд ли эту кошку можно считать настоящим подарком.

Если хотите знать, отец бросил меня, когда мне было всего шесть лет. Амулет – это все, что меня с ним связывало. В хорошие дни я смотрела на странную фигурку и с восторгом думала о папе. В паршивые дни (их было намного больше) я срывала амулет с шеи, швыряла на пол, давила ногой и проклинала папу за то, что его нет рядом. Между прочим, неплохо помогало. Но в конце концов я снова надевала амулет на шею.

В музее, когда начались все эти странности, амулет здорово нагрелся. Я едва не сняла его. Не знаю, действительно ли эта штука спасла мне жизнь.

Как отец сказал? «Я намерен все восстановить»? И виновато поглядел на меня. Когда мы встречались, у него всегда был виноватый вид.

Да, папочка. Хотел все восстановить, а вместо этого все с треском провалил.

О чем он думал? Здорово, если бы это все оказалось дурным сном: голубые иероглифы, посох, превратившийся в змею, саркофаг, в котором исчез отец. Такого просто быть не может! Себя не обманешь. Все это было. Ничего мне не приснилось. Я же видела жуткое лицо огненного человека, когда он повернулся к нам. Я слышала, как он сказал Картеру: «Скоро увидимся, мальчишка». А вдруг он решил нас выследить и убить? От одной этой мысли у меня начинали дрожать руки. И еще из головы не выходила остановка возле Иглы Клеопатры. Как будто отцу нужно было там побывать, чтобы набраться мужества. Может, то, что он задумывал сделать в Британском музее, имело отношение к маме?

Мои глаза обшарили комнату и остановились на письменном столе.

«Нет, – подумала я. – Этого я не сделаю».

Но я подошла к столу и выдвинула ящик. Ящик был довольно вместительным. Я стала выкидывать оттуда старые кассеты, запас конфет, пачку домашних заданий по математике, которые так и не сдала. Потом бросила на кровать несколько своих фотографий и тех, где вместе со своими подругами Лиз и Эммой примеряла смешные шляпы на Камденском рынке. На самом дне лежала мамина фотография.

У деда с бабушкой таких фотографий – сотни. В гостиной у них целый шкаф превращен в хранилище реликвий, связанных с Руби (так звали мою маму). Там хранятся мамины детские рисунки (кстати, ничего особенного), ее табели с оценками (между прочим, отличницей она не была), выпускная фотография, сделанная в день окончания университета. Там собраны оставшиеся от мамы вещи и кое-что из ее украшений. Мне с первых дней жизни

в их доме было строжайше запрещено открывать этот шкаф и что-либо там трогать. Очень надо! Если старикам нравится жить прошлым, пусть живут. А я не собираюсь. Сама я маму почти не помню. Какой смысл цепляться за оставшиеся вещи и лить слезы над снимками? Мамы нет в живых, и это, как говорят взрослые, – непреложный факт.

Но один снимок я все-таки оставила. Он был сделан в нашем лос-анджелесском доме вскоре после моего рождения. Мама стояла на балконе. За ее спиной плескался Тихий океан. На руках у нее была я – невзрачный сморщенный комочек, который только потом превратится в человека. Смотреть там не на что, зато мама даже в шортах и поношенной футболке выглядела просто восхитительно. Глаза у нее получились синие-пресиние. Светлые волосы она стянула резинкой. А какая у нее красивая гладкая кожа. Не то что у меня. Мне говорят, что я похожа на маму. Только вот у нее ни одного прыща на подбородке, а у меня...

[И нечего ухмыляться, Картер!]

Я давно не смотрела на этот снимок. Я выбрала его по двум причинам. Во-первых, я почти не помнила то время, когда мы жили все вместе. Во-вторых... это главная причина, почему я хранила фото... из-за символа на маминой футболке. Там был изображен анкх – символ жизни.



Моя мама носила символ жизни и погибла. Ничего печальнее не придумаешь. Но в тот момент она смотрела в аппарат и улыбалась, будто знала какую-то тайну. Или будто у них с отцом была какая-то только им понятная шутка.

Ледяные иголки по-прежнему впивались мне в затылок. Я вдруг вспомнила человека в длиннополом пальто, который спорил с нашим отцом. Он что-то говорил про пер анкх.

С анкхом понятно: это символ жизни. А что такое пер? Скорее всего, тоже важное слово.

У меня мелькнула странная мысль: если бы я увидела слова «пер анкх» написанные иероглифами, то поняла бы их смысл.

Я убрала мамину фотографию обратно в ящик, взяла карандаш и одну из своих работ по математике, где была чистая страница. А если написать слова «пер анкх» по-английски? Может, я пойму, как выглядит иероглиф?

Едва мой карандаш коснулся бумаги, дверь в комнату открылась.

– Мисс Кейн! Можно к вам?

Я резко обернулась и выронила карандаш. На пороге стоял хмурый полицейский инспектор.

– Чем это вы заняты? – спросил он.

– Задачки решаю.

Потолок у меня низкий, и инспектору пришлось нагнуться. На нем был костюм пыльно-серого цвета. Под стать его седым волосам и землистому лицу.

– Задачи будете решать потом. Разрешите представиться: старший инспектор Уильямс. Сейди, мне надо с вами поговорить. Присядем?

Я не села. Инспектор тоже остался стоять. Его это явно раздражало. Попробуй находиться при исполнении, когда вынужден стоять скрючившись, как Квазимодо.

– Прошу вас, расскажите мне все по порядку, начиная с того момента, когда ваш отец заехал за вами.

– Я уже рассказывала полицейским в музее.

– Пожалуйста, расскажите еще раз.

Я рассказала ему все. А чего скрывать? Пока я дошла до голубых иероглифов и жезла, превратившегося в змею, его левая бровь поднималась все выше и выше.

– У вас очень яркое воображение, Сейди, – сказал инспектор Уильямс.

– Я вам не вру, инспектор. А вот ваша левая бровь вот-вот сбежит.

Он попытался разглядеть свою бровь, но, конечно же, не смог.

– Вот что, Сейди. Я понимаю: вам сейчас очень тяжело. Понимаю и то, что вы хотите защитить отцовскую репутацию. Но он исчез...

– Пока что он только провалился в саркофаге сквозь пол, – возразила я. – Он не умер. Инспектор Уильямс развел руками.

– Сейди, мне очень жаль. Но мы должны выяснить, почему ваш отец совершил этот акт...

– Какой еще акт?

Полицейский откашлялся.

– Ваш отец уничтожил бесценные экспонаты и в результате погиб сам. Нам необходимо выяснить причину.

– По-вашему, мой отец – террорист? – сердито глядя на него, спросила я. – Вы что, спятили?

– Мы обзвонили нескольких коллег вашего отца. Насколько понимаю, его поведение сильно изменилось с момента смерти вашей матери. Он замкнулся в себе, с головой погрузился в свои исследования и стал все больше времени проводить в Египте.

– Так он же египтолог! Чем задавать дурацкие вопросы, вы бы лучше искали моего отца!

– Сейди... – Чувствовалось: инспектор едва сдерживался, чтобы меня не задушить. Не он первый. И чем я не нравлюсь взрослым? – Да будет вам известно, что в Египте существуют экстремистские группы, которые противодействуют вывозу древностей в музеи других стран. Не исключено, что эти люди вошли в контакт с вашим отцом. В его состоянии он мог оказаться для них легкой добычей. Может, он в вашем присутствии называл какие-то имена?

Я промчалась мимо инспектора и остановилась у окна. Я так разозлилась на этого идиота, что не могла связно думать. С чего это он решил, что отец умер? Нет, нет и еще раз нет! И как он смел называть отца террористом? Ну почему взрослые настолько глупы? Они всегда требуют рассказать всю правду, а когда начинаешь рассказывать – не верят. Тогда какая правда им нужна?

Я смотрела на темную улицу. Ледяные иголки впивались в затылок сильнее, чем прежде. Потом я вспомнила про сухое дерево напротив и посмотрела туда. Его тускло освещал ближайший уличный фонарь. Возле дерева стоял все тот же толстяк в длинном пальто, шляпе и круглых очках, которого отец называл Амосом. Он стоял и смотрел в мою сторону.

В общем-то, я должна была бы испугаться. Представляете, когда незнакомый человек стоит напротив вашего дома и всю глазеет на ваше окно? Но он смотрел не угрожающе, а

с сочувствием, будто знал, каково мне сейчас. И не скажу, чтобы он был таким уж незнакомцем. Где-то я его видела раньше. Только где? Я никак не могла вспомнить, и это меня бесило.

Инспектор за моей спиной снова прочистил горло.

– Поймите, Сейди. Никто не обвиняет вас в нападении на музей. Мы понимаем, что вы были втянуты в это против своей воли.

– Против своей воли? – переспросила я, отворачиваясь от окна. – А кто запер хранителя в его кабинете?

Левая бровь инспектора снова поползла вверх.

– В этом мы разберемся. Я уверен, что вы посчитали это чем-то вроде игры и не поняли истинных намерений вашего отца. Скажите, а ваш брат мог быть его сообщником?

– Картер? – хмыкнула я. – Да вы что, инспектор?

– Как вижу, вы настроены защищать и его. Вы считаете Картера достойным братом?

Так надо понимать ваши слова?

Мне отчаянно хотелось съездить этому зануде по физиономии.

– Вы на что намекаете? На то, что он не похож на меня?

Инспектор заморгал.

– Я всего лишь имел в виду...

– Знаю я, что вы имели в виду, – перебила я, вспомнив фразу из какого-то фильма. – Да, я считаю Картера достойным братом.

Инспектор Уильямс поднял руки. Надо понимать, извинился за свои слова. Но мне было противно. Картер, конечно, не подарок, но мы уж как-нибудь сами разберемся. Терпеть не могу, когда люди сомневаются, что мы – одна семья. Ненавижу их косые взгляды. Сначала этот доктор Мартин в музее. Теперь инспектор Уильямс. Это бывало каждый раз, когда мы оказывались втроем. Абсолютно каждый.

– Еще раз прошу меня простить, Сейди. Но я занимаюсь своей работой – стараюсь отделить виновных от невиновных. Всем нам было бы гораздо легче, если бы вы это поняли и не чинили нам препятствий. Нам важны любые сведения. Все, о чем говорил ваш отец. Любые имена, которые он называл.

Мне захотелось проверить его реакцию, и я тут же назвала одно имя:

– Амос. Он встречался с человеком по имени Амос.

– Сейди, – вздохнул инспектор Уильямс, – такое просто невозможно. Менее часа назад мы звонили Амосу в Нью-Йорк и говорили с ним. Он сегодня вообще никуда не выходил из дома.

– Да не в Нью-Йорке он! – упиралась я. – Он вот...

Я выплянула в окно. Возле засохшего дерева было пусто. Что и требовалось доказать!

– Этого не может быть! – сказала я.

– Вот именно.

– Понимаете, он только что был здесь. Кто он такой? Один из папиных коллег? И откуда вы про него узнали?

– Сейди, пора прекращать ваш спектакль.

– Спектакль?

Инспектор поглядел на меня и выпятил челюсть. Наверное, он что-то решил.

– Мы узнали от Картера всю правду. Мне не хотелось вас огорчать, но ваш брат все нам рассказал. Он понимает бессмысленность попыток выгородить вашего отца. Для вас же лучше, если вы это тоже поймете и перестанете упрячиться. Тогда против вас не будет выдвинуто никаких обвинений.

– Как вам не стыдно врать детям? – заорала я, надеясь, что мои слова услышат внизу. – Картер никогда не скажет ни одного слова против отца! И я тоже не скажу!

Инспектор даже не стал делать вид, что удивлен.

– Что ж, Сейди, – сказал он, скрестив руки на груди. – Мне жаль, что вы заняли такую позицию. Боюсь, теперь нам остается лишь спуститься вниз и... обсудить с вашими бабушкой и дедушкой последствия вашего упрямства.

## 4. Родственное похищение

*Сейди*

Обожаю праздники в кругу семьи. Уютная обстановка. Вокруг камина развешаны гирлянды. На столе все готово для чаепития. И тут же – инспектор Скотленд-Ярда, готовый тебя арестовать.

Картер примостился на диване, держа в руках рабочий рюкзак отца. Удивительно, как это его не отобрали полицейские. Там вполне могли быть улики или еще что-нибудь подобное, но инспектор как будто в упор не видел этот рюкзак.

Вид у Картера был жуткий. То есть хуже, чем обычно. По правде говоря, мой братец никогда не учился в нормальной школе, а одевается как маленький профессор: брюки цвета хаки, рубашка с пристегивающимся воротником и кожаные ботинки. Вообще-то он довольно симпатичный. Высокий, худощавый, и волосы ничего, если их причесать. Глаза у него отцовские. Когда мои подружки Лиз и Эмма увидели его снимок, то назвали Картера «клевым парнем». Здесь, как говорят взрослые, надо ввести поправочный коэффициент. Во-первых, он мой брат, а во-вторых – у этих девчонок не все в порядке с мозгами. Картер говорил мне, что на раскопках он часто ходит в каком-нибудь рванье. Показать бы такой снимочек Лиз и Эммой и послушать, что они тогда скажут.

[Чего уставился, Картер? Пора бы знать, что для женщин одежда значит очень много.]

Я понимала, каково сейчас брату. Я видела отца дважды в год, а он – постоянно. Случившееся подействовало на него сильнее, чем на меня.

Картер сидел на диване не один. По обе стороны от него восседали заметно нервничающие дед и бабушка. На столике стоял большой фарфоровый чайник, чашки, блюдо с печеньем, но к угощению никто не притрагивался. Старший инспектор Уильямс приказал мне сесть на стул. Сам он с важным видом расхаживал перед камином. У дверей стояли еще двое полицейских: та самая тетка и здоровенный лоб, который тоскливо поглядывал на печенье.

– Мистер и миссис Фауст. Как ни прискорбно, но ваши внуки отказываются сотрудничать со следствием, – сообщил инспектор Уильямс.

Бабушка теребила складки платья. Трудно поверить, что она – мать нашей мамы. Бабушка похожа... ну, на что-то вроде сухой бесцветной палки. А наша мама была всегда яркой и жизнерадостной.

– Они еще дети, – дребезжащим голосом произнесла бабушка. – Разве можно их в чем-то обвинять?

– Инспектор, да это просто смешно, – подхватил дед. – Они не несут ответственности.

Когда-то дедушка играл в регби. Наверное, в то время он выглядел получше. Мясистые руки были мускулистее, а под рубашкой не выпирал живот. У него глубоко посаженные глаза, будто кто-то загнал их туда ударами кулака (правда, несколько лет назад отец заехал ему по лицу, но это уже другая история). Вид у деда жутковатый, и обычно люди, заметив его, сворачивают в сторону. Но инспектор Уильямс, наверное, встречал типов и пострашнее.

– Мистер Фауст, представляете, с какими заголовками выйдут утренние газеты? «Нападение на Британский музей. Розеттский камень уничтожен». Ваш зять...

– Бывший зять, – поправил дед.

– Как вам будет угодно. Так вот, он либо погиб при взрыве, либо скрылся, и в этом случае...

– Он не скрылся! – выкрикнула я.

– Нам необходимо знать, где он сейчас, – продолжал инспектор. – Единственные свидетели случившегося – ваши внуки, а они отказываются говорить правду.

– Мы сказали вам правду, – возразил Картер. – Отец не умер и не сбежал. Он не смог выбраться из саркофага и погрузился под пол.

Инспектор посмотрел на деда. «Теперь убедились?» – говорил его взгляд. Затем Уильямс повернулся к Картеру.

– Молодой человек, ваш отец совершил уголовное преступление и исчез. А вас с сестрой оставил расхлебывать последствия.

– Неправда! – дрожащим от ярости голосом выкрикнула я.

Я не могла поверить, что отец намеренно отдал нас с Картером на растерзание полиции. Но то, что он шесть лет назад оставил меня на попечение маминых родителей... для меня это и сейчас оставалось болезненным воспоминанием.

– Дорогая, успокойся, – прошелестела бабушка. – Инспектор всего лишь занимается своей работой.

– Отвратительно занимается! – сказала я.

– Давайте выпьем чаю, – предложила бабушка.

– Нет! – завопили мы с Картером.

Потом мне стало жалко бабушку. Она вся поникла.

– Мы можем предъявить вам обвинение, – сказал инспектор, глядя на меня. – Можем и предъявим...

Он застыл на месте и странно заморгал, забыв, что хотел сказать.

– Инспектор, что с вами? – удивился дед.

– А?.. Что?.. – сонным голосом произнес инспектор Уильямс.

Он вынул из кармана синюю книжечку и бросил Картеру. Это был американский паспорт.

– Вы подлежите депортации, – объявил ему инспектор. – В течение двадцати четырех часов вы обязаны покинуть страну. Если нам потребуется снова вас допросить, мы это сделаем при посредничестве ФБР.

У Картера отвисла челюсть. Он взглянул на меня. Я поняла: такого поворота событий мой братец не ожидал. Мы думали: еще немного, и Уильямс арестует нас обоих. И вдруг, ни с того ни с сего – депортация Картера! Полицейские возле двери изумленно переглянулись.

– Сэр, вы уверены... – начала тетка.

– Да, Линли. Вы оба можете идти.

Полицейские переминались с ноги на ногу. Тогда инспектор нетерпеливо махнул рукой, и они ушли, закрыв дверь.

– Послушайте, мистер Уильямс, – сказал Картер. – Мой отец исчез в Англии, а вы заставляете меня покидать страну?

– Давайте называть вещи своими именами, молодой человек. Ваш отец либо мертв, либо ударился в бег. При таком раскладе вещей депортация – самый гуманный выбор. Все уже оговорено.

– С кем? – спросил дед. – Кто распорядился о депортации?

На лице инспектора вновь появилось непонятное выражение.

– Кто распорядился?.. Компетентные органы. Поверьте, это лучше, чем тюрьма.

Картер был настолько ошарашен, что утратил способность говорить. Я даже не успела его пожалеть, как услышала от инспектора Уильямса:

– Вас, мисс, это тоже касается.

Это было равнозначно удару кувалдой по голове.

– Вы меня... высылаете? Но я здесь живу!

– У вас американское гражданство. При сложившихся обстоятельствах вам лучше всего вернуться домой.

Я тупо смотрела на инспектора. Кроме этой квартиры, у меня не было никакого другого дома. Здесь у меня своя комната. Школа, подруги, да и вообще все у меня находилось здесь.

– Мне некуда ехать, – сказала я.

– Инспектор, это несправедливо, – дрожащим голосом вступилась за меня бабушка. – Просто невероятно, чтобы...

– У вас будет время проститься с внуками, – перебил ее инспектор.

Он наморщил лоб, будто сам удивлялся своим действиям.

– Мне... мне пора.

Как будто его кто-то удерживал! Инспектор Уильямс подошел к двери, открыл ее, и тут я едва не свалилась со стула. На пороге стоял Амос. Не знаю, где он оставил свое длинно-полое пальто. Сейчас он был лишь в костюме. Еще я заметила золотые бусинки, вплетенные в его косичку.

Я думала, инспектор насторожится, раскроет рот от удивления или хотя бы что-то скажет. Ничего подобного! Он, словно не замечая Амоса, пошел прямо к входной двери, а оттуда – в промозглый холод лондонского вечера.

Амос вошел в гостиную и прикрыл за собой дверь. При его появлении дед и бабушка вскочили с дивана.

– Ах, это ты? – рявкнул дед. – Как же я раньше не догадался? Будь я помоложе, сейчас превратил бы тебя в фарш.

– Добрый вечер, мистер и миссис Фауст, – любезным тоном сказал Амос.

Он озабоченно скользнул взглядом по нам с Картером, будто наша дальнейшая судьба ложилась на его широкие плечи.

– Нам надо поговорить.

Амос вел себя как дома. Он плюхнулся на диван, налил себе чаю. Потом взял с блюда печенье и принялся жевать. Должна сказать, что печенье у бабушки всегда получается жестким. Недолго и зуб сломать.

Дед побагровел. Я боялась, что его хватит удар. Он зашел за спинку дивана и поднял руки, явно намереваясь стукнуть гостя. Тот спокойно жевал, прихлебывая чай.

– Садитесь, ребята, – сказал он нам.

Удивительное дело. Казалось, все мы только и ждали его приказа. Даже дед опустил руки и уселся рядом с Амосом, брезгливо косясь на него.

Амос потягивал чай и смотрел на меня. Понятное дело, я ему не понравилась. Не думаю, чтобы я выглядела таким уж страшилищем, хотя, конечно, после музея вид у меня был не самый лучший. Потом Амос взглянул на Картера и хмыкнул.

– Жуткое время, – произнес он. – Но другого выхода нет. Детям придется поехать со мной.

– Вот еще! – заявила я. – Я никуда не поеду с незнакомым человеком, у которого на лице печенье!

На самом деле на лице Амоса прилепилось лишь несколько крошек. Он даже не удосужился их смахнуть.

– Вообще-то мы с тобой знакомы, Сейди, – сказал он. – Неужели не помнишь?

Ну откуда у него такой знакомый тон? Мне даже стало неловко, что я не могу его вспомнить. Я посмотрела на Картера и поняла, что он тоже не помнит этого человека.

– Нет, Амос, – еще более дрожащим голосом возразила бабушка. – Ты не можешь забрать Сейди. У нас есть договоренность.

– Сегодня Джулиус ее нарушил, – сказал Амос. – После случившегося Сейди не может оставаться у вас. Это небезопасно.

– А с какой стати мы должны ехать с вами? – взвился Картер. – Вы чуть не подрались с нашим отцом!

Амос покосился на отцовский рюкзак. Картер по-прежнему не выпускал его из рук.

– Вижу, рюкзак у тебя. Хорошо. Он тебе понадобится. А что касается драк, у нас с твоим отцом их хватало. Если помнишь, Картер, я пытался отговорить Джулиуса от поспешных действий. Послушайся он меня, сейчас все было бы по-другому.

Я не понимала, о чем он говорит, но дед понял.

– Я по горло сыт Джулиусом, тобой и вашими предрассудками! Мы больше ничего знать не желаем!

Наша гостиная выходила на задний дворик. Сквозь стеклянные двери сверкали огни на этом и другом берегах Темзы. Вечером вид намного привлекательнее, чем днем. Не бросается в глаза обшарпанность окружающих домов.

– Предрассудки? – переспросил Амос. – Но почему-то вы обосновались на восточном берегу Темзы.

Дед опять побагровел, на этот раз еще сильнее.

– Это была идея Руби. Она хотела нас защитить. Увы, дочь во многом ошибалась. Лучший пример – то, что она верила Джулиусу и тебе!

Амос невозмутимо слушал. От него исходил непонятный запах. Каких-то старинных благовоний. Я вспомнила, что примерно так пахло в индийских магазинчиках на Ковент-Гарден.

Амос спокойно допил чай.

– Миссис Фауст. Вы и ваш муж прекрасно знаете, *что* началось. И полиция – далеко не первый номер в списке ваших тревог.

Бабушка громко сглотнула.

– Ты... ты изменил сознание инспектора Уильямса? Заставил его принять решение о депортации Сейди?

– Либо это, либо их обоих арестовали бы, невзирая на возраст, – ответил Амос.

– Что-что? Вы изменили сознание инспектора? Как? – удивилась я, забыв про все остальное.

Амос пожал плечами.

– Это временно. Если мы за ближайший час не доберемся до Нью-Йорка, инспектор Уильямс задумается о причинах своего решения.

– За час из Лондона в Нью-Йорк не добраться, – сказал Картер и недоверчиво рассмеялся. – Даже на самом быстром самолете.

– Ты прав, – согласился Амос. – На самолете не добраться.

Он повернулся к бабушке, словно наш отъезд с ним был делом решенным.

– Миссис Фауст, у Картера и Сейди сейчас есть только одно безопасное место, и вы это знаете. Они отправятся в мой бруклинский дом. Там я сумею их защитить.

– У вас что, целый дом в Бруклине? – удивился Картер.

– Семейное наследие. Там вы оба будете в безопасности.

– Но отец...

– Сейчас вы ему ничем не поможете, – вздохнул Амос. – Прости, Картер, но это так. Потом я тебе все объясню. Поверь, ваш отец согласился бы со мной. А теперь нам нужно двигаться. Сейчас я единственный, кто у вас есть.

Ну и самоуверенный тип этот Амос! Картер посмотрел на деда с бабушкой и угрюмо кивнул. Он понимал, что они не оставят его у себя. Картер всегда напоминал им нашего отца. Я тоже не понимала, почему тогда дед с бабушкой не взяли нас обоих. Но что теперь об этом говорить?

– У Картера своя голова на плечах, – сказала я. – А я живу здесь и никуда уезжать не собираюсь. Да еще с незнакомым человеком. С какой это радости?

Я посмотрела на бабушку, думая, что она вступится за меня. Однако бабушка разглядывала узор кружев на скатерти, будто ничего интереснее не видела.

– Дед, ну скажи ему...

Но и дед прятал от меня глаза. Он повернулся к Амосу и спросил:

– Ты сумеешь вывезти их из страны?

– Погодите! – заорала я.

Амос встал и смахнул с пиджака крошки. Он подошел к стеклянным дверям и стал смотреть на реку и огни.

– Вскоре полиция опять наведается к вам. Говорите им что угодно. Нас они не найдут.

– Так это что... похищение? – одеревеневшим языком промямлила я. – Картер, и ты согласен?

Картер встал и закинул на плечо отцовский рюкзак. Он был готов отправиться с Амосом. Наверное, не хотел задерживаться у деда с бабушкой.

– На чем вы собрались ехать в Нью-Йорк? – спросил он Амоса. – Если не на самолете, остается только ракета.

– Нет, – покачал головой Амос.

Пальцем он нарисовал на запотевшем стекле... несколько иероглифов.



– Лодка, – сказала я и спохватилась.

Откуда я это знаю?

Амос уставился на меня поверх своих круглых очков.

– Как тебе удалось...

– Правая картинка похожа на лодку, – не задумываясь, выдала я. – Но не на лодке же вы поплывете. Это смешно.

– Смотри! – крикнул мне Картер.

Я прижалась носом к стеклу. Возле пристани на волнах покачивалась лодка. Не современная, какие плавают по Темзе. Это была египетская тростниковая лодка с двумя пылающими факелами на носу и большим рулем. Возле руля темнела фигура в пальто и шляпе. Наверное, Амос отдал рулевому свои пальто и шляпу, чтобы тот не мерз.

Признаюсь честно: я потеряла дар речи.

– На ней мы и поплывем в Бруклин, – сказал мне Картер.

– Ребята, пора, – поторопил нас Амос.

Я подбежала к бабушке.

– Бабуля, ну скажи ему!

– Дорогая, это делается для твоего же блага, – каким-то не своим голосом ответила мне бабушка и смахнула со щеки слезу. – И возьми с собой Маффин.

– Верно, – спохватился Амос. – Кошку нельзя здесь оставлять.

Он подошел к лестнице. Маффин словно ждала этого приглашения. Она, как метеор, пронеслась по ступенькам и прыгнула мне на руки. Такого с нею еще не случалось.

Я понимала, что выбора у меня нет. Но тогда должны быть хотя бы объяснения.

– Кто вы? – спросила я Амоса. – Мы не можем отправиться в Нью-Йорк с незнакомым человеком.

– Почему же с незнакомым? – улыбнулся Амос. – Я – ваш родственник.

И вдруг я вспомнила. Я однажды видела его улыбающееся лицо и слышала его слова: «С днем рождения, Сейди». Далекое воспоминание, вдруг поднявшееся из глубин памяти.

– Дядя Амос? – неуверенно спросила я.

– Да, Сейди. Я – брат Джулиуса. А теперь идем. Нам предстоит долгий путь.

## 5. Знакомство с обезьяной

*Картер*

Это снова Картер. Извините, нам тут пришлось временно прекратить запись, потому что за нами гнались... ладно, об этом потом.

Сейди вам рассказала, как мы свалили из Лондона?

Вот так, выйдя из дома, пошли вслед за Амосом к пристани, где находилась странная лодка. Я нес отцовский рюкзак. До сих пор не верилось, что отец исчез. Мне было совестно покидать Лондон без него. Но в одном Амос был прав: сейчас мы ничем не могли помочь отцу. Не скажу, чтобы я верил каждому слову дядюшки. И в то же время только он мог объяснить нам случившееся с отцом. И потом, куда еще нам было идти, если даже Сейди дед с бабушкой попросту вытолкнули из дома? Для ее же блага!

Первым в лодку забрался Амос. За ним туда прыгнула Сейди. Я в нерешительности остановился. Такие лодки я видел на Ниле, и они всегда казались мне ненадежными.

Фактически, тростниковая лодка – это большой плавучий ковер, сплетенный из волокон тростника. Каркас из реек придавал ему форму лодки. Меня насторожили факелы на корме. Если не утонем, то сгорим. Веселенькая перспектива! У Амоса был помощник, которого он поставил на руль и почему-то нарядил в свои пальто и шляпу. Помощник уступал нашему дяде в росте. Шляпа тоже была ему велика и закрывала лицо. Руки скрывались в рукавах пальто.

– И как эта штука поплывет в Нью-Йорк? – спросил я Амоса. – Даже паруса нет.

– Доверься мне, – ответил он, протягивая руку.

Вечер был холодным, но на борту мне сразу стало теплее, словно огонь факелов обогрел пространство. Посередине лодки находилась хижина, сплетенная из тростниковых циновок. Маффин, сидевшая у Сейди на руках, принялась и почему-то заурчала.

– Забирайтесь в хижину, – предложил нам Амос. – Это плавание имеет... свои особенности.

– Нет уж, я останусь здесь, – заявила Сейди. – А кто это у тебя на руле? – спросила она, кивнув в сторону странной фигуры.

Амос сделал вид, что не слышал вопроса.

– Теперь держитесь!

Он подал знак рулевому, и лодка тронулась.

Не знаю, с чем сравнить ощущения от нашего плавания. Вам знакомо замирание в животе, которое появляется на американских горках, когда взлетаешь вверх и потом падаешь вниз? Что-то вроде этого, хотя мы никуда не падали, а само ощущение, появившись, не исчезало. Лодка неслась с умопомрачительной скоростью. Огни Лондона слились в одно пятно, затем и вовсе пропали за стеной густого тумана. Из окружающей темноты доносились странные звуки: шелест и шипение, будто вокруг лодки ползали сотни змей. Где-то вдалеке слышались крики. К ним примешивались голоса, шепчущие на незнакомых языках.

Замирание в животе становилось невыносимым. Я опасался, что меня вытошнит. Громкость звуков заметно возросла. Мне самому хотелось закричать. И вдруг лодка резко сбросила скорость. Звуки стихли, а туман рассеялся. Вновь появились городские огни, и теперь они были ярче, чем прежде.

Над нами навис мост. Таких высоких мостов в Лондоне просто нет. В животе у меня что-то медленно повернулось. Слева я увидел знакомые силуэты Крайслеровского небоскреба и Эмпайр-стейт-билдинга.

– Невероятно, – прошептал я. – Это же Нью-Йорк.

Сейди стояла с позеленевшим лицом (наверное, и мое было не лучше). Маффин все так же лежала у нее на руках, закрыв глаза и негромко урча.

– Этого не может быть, – с трудом проговорила Сейди. – Мыплыли каких-нибудь десять минут.

Может или не может, но сейчас наша лодка двигалась вверх по Ист-ривер, проходя под Уильямсбургским мостом. Вскоре мы причалили к небольшой пристани на Бруклинском берегу. Перед нами был какой-то фабричный двор, заваленный металлоломом и ржавыми механизмами. Посреди двора, почти у самой воды, высился старый фабричный склад с заколоченными окнами. Его стены были густо расписаны граффити.

– Это и есть твой «семейный дом»? – усмехнулась Сейди.

– Взгляни еще раз.

Амос кивнул в сторону крыши склада.

– Как... как тебе это...

У меня кончились слова. Почему же я сразу не увидел пятиэтажный особняк, построенный на крыше склада?

– Как тебе разрешили построить жилой дом в таком месте?

– Долго рассказывать, – ответил Амос. – Нам требовалось уединение.

– Этот берег реки – восточный? – спросила Сейди. – Помнишь, в Лондоне ты говорил, что мои дед с бабушкой предпочли поселиться на восточном берегу Темзы?

– Да, Сейди. Очень хорошо, что ты запомнила, – улыбнулся Амос. – В древние времена восточный берег Нила всегда считался берегом живых, берегом, где восходило солнце. Мертвых погребали на западном берегу. Жить там считалось не только дурной приметой, но и опасным делом. Эта традиция до сих пор сохраняется среди... нашего народа.

– Нашего народа? – только и успел переспросить я, потому что Сейди опередила меня своим вопросом:

– Значит, тебе нельзя жить на Манхэттене?

Амос посмотрел в сторону Эмпайр-стейт-билдинга и наморщил лоб.

– У Манхэттена – другие проблемы. Другие боги. Нам с ними лучше не пересекаться.

– Чем они другие? – не унималась Сейди.

– Потом, – коротко бросил Амос.

Он подошел к рулевому, снял с него пальто и шляпу... Оказалось, что никакого рулевого не было. Наверное, Амос устроил этот маскарад, чтобы мы не испугались. Он надел шляпу, подхватил рукой пальто, затем указал нам на металлическую лестницу, которая вела на крышу склада.

– Ну вот, мы все на берегу. Добро пожаловать в Двадцать первый ном.

– При чем тут гном? – удивился я, поднимаясь по лестнице. – Разве эти маленькие человечки связаны с Египтом?

– Нет, конечно, – поморщился Амос. – Я их терпеть не могу. От них всегда жутко воняет.

– Но ты же говорил...

– Ты недослышал. Я сказал не «гном», а «ном». Слово это означает «провинция» или «округ». В древности Египет был разделен на сорок две провинции. Сегодня положение несколько изменилось. Весь земной шар поделен на триста шестьдесят номов. Египет относится к Первому ному, а Нью-Йорк – к Двадцать первому.

Сейди посмотрела на меня и покрутила пальцем у виска.

– Нет, Сейди. Я вовсе не чокнутый, – сказал ей Амос (при этом он даже не обернулся). – Вам обоим предстоит многое узнать.

Мы поднялись на крышу склада. Отсюда трудно было охватить взглядом все сооружение. Кажется, дом был высоким, футов пятьдесят, не меньше. Стены сложены из здоровенных блоков известняка, рамы у окон металлические. Стены вокруг окон были испещрены иероглифами и подсвечены, отчего здание одновременно смахивало на современный музей и на старинный храм. Меня удивило не это. Стоило немного отвести взгляд, как особняк исчезал. Я несколько раз проверил: так оно и есть. Чтобы он появился, нужно было заставить себя смотреть только прямо, а это требовало некоторых усилий.

Амос остановился перед внушительной деревянной дверью размером с гаражные ворота. Ни ручки, ни замка я не увидел.

– Картер, входи первым.

– Но как же я...

– А ты подумай.

Замечательно: не успели приплыть, как опять загадка. У меня мелькнула дурацкая мысль: протаранить дверь головой Амоса. Только нам с Сейди было бы его не поднять. И места для разбега не хватало. Я опять посмотрел на дверь, и у меня возникло какое-то странное ощущение. Не дотрагиваясь до двери, я медленно поднял руку, и дверь последовала за моим движением! Она поднялась и ушла в стену.

– Как ты... – спросила оторопевшая Сейди.

– Сам не знаю, – признался я, поскольку тоже был удивлен. – Наверное, сенсорный датчик.

– Интересно, – пробормотал Амос. Случившееся удивило и его. – Не так, как это делаю я, но все равно очень хорошо. Просто замечательно.

– Спасибо, – только и оставалось сказать мне.

Сейди попыталась войти первой, но едва она подошла к порогу, ее кошка просто взбесилась. Маффин замяукала и попыталась спрыгнуть с рук.

– Киса, это что за фокусы? – удивилась Сейди.

– Ах да. Я же совсем забыл. Прошу прощения.

Амос погладил кошку по голове и сказал:

– Ты тоже можешь войти.

– Кошке нужно специальное разрешение? – спросил я.

– Тут особые обстоятельства, – сказал Амос, как будто это что-то объясняло.

Он вошел в дом. Мы – тоже. На этот раз Маффин даже не шелохнулась.

– Боже мой...

Моя сестра задрала голову и разинула рот. Просто чудо, что она не выронила свою жвачку.

– Это большой зал, – пояснил Амос.

Вполне подходящее название. Толстые кедровые потолочные балки находились на высоте четырех этажей. Их подпирали резные каменные колонны, украшенные иероглифами. На стенах располагалась внушительная коллекция музыкальных инструментов и древнеегипетского оружия. Стены опоясывали три яруса балконов с выходящими на них дверями. В очаге камина свободно поместился бы автомобиль. Над камином висела громадная плазменная панель, а по обе стороны от него стояли массивные кожаные диваны. Пол устилал ковер из змеиной кожи. Он был сорок футов в длину и пятнадцать в ширину – больше любой змеи. Частично стеклянные стены позволяли увидеть примыкающую к дому террасу с плавательным бассейном, столом, стульями и очагом, в котором ярко горел огонь. В дальнем конце большого зала виднелись двустворчатые двери. Каждую створку украшал Глаз Гора. Дверные ручки были скреплены цепью и закрыты на полдюжины висячих замков. Оставалось только гадать, что скрывалось за этими дверями.

Но больше всего нас с Сейди потрясла черная мраморная статуя в центре зала. Огромная – не меньше тридцати футов высотой. Статуя изображала кого-то из египетских богов. Тело было человеческим, а голова – птичьей, похожей на голову журавля или аиста, с длинной шеей и большим клювом.

Одеяние бога состояло из традиционной юбки, пояса и воротника. В одной руке он держал стилус (так называли перья для письма), а в другой – свиток с начертанным иероглифом. Иероглиф состоял из египетского петлеобразного креста – анкха – и прямоугольника, окружавшего петлю.



– Вот он! – воскликнула Сейди. – Пер анкх.

– Слушай, как ты смогла это прочесть? – спросил я, подозревая, что сестрица присочинила на ходу.

– Не знаю. Но тут и так понятно. Верхняя часть похожа на... план дома.

– Почему ты решила, что это дом? А может, это ящик, куда засунут анкх?

Я не хотел признаваться, но Сейди была права. Я узнал символ – упрощенное изображение дома с дверным проемом. Но такие вещи знали специалисты по Древнему Египту, а уж никак не малявки вроде Сейди. Она же стояла с торжествующим видом, абсолютно уверенная, что все правильно угадала.

– Это не ящик, а дом, – упрямо повторила Сейди. – Нижний иероглиф – это анкх, символ жизни. Значит, пер анкх – Дом жизни.

– Отлично, Сейди. – Амос, похоже, был удивлен. – А статуя изображает единственного бога, которому позволительно находиться в Доме жизни. По крайней мере, когда все обстоит благополучно. Каргер, ты его узнал?

У меня в мозгу что-то щелкнуло. Птичья голова принадлежала не аисту и не журавлю, а ибису – египетской речной птице.

– Тот, – сказал я. – Бог знания. Он изобрел письменность.

– Правильно, – подтвердил Амос.

– Но почему у него птичья голова? – спросила Сейди. – У всех египетских богов странные головы. Они выглядят глупо.

– Обычно они выглядят по-другому, – сказал Амос. – В реальной жизни.

– Постой! – вмешался я. – Как понимать «в реальной жизни»?

Амос поглядел на меня так, будто вспомнил что-то неприятное, если не сказать отвратительное.

– Боги способны появляться в любых обликах. Чаще всего целиком в человеческом или целиком в зверином. Но бывают и такие «гибридные» варианты. Ты пойми: боги – это изначальные силы, нечто вроде моста между человечеством и природой. Их изображали

с головами животных, показывая этим, что они пребывают в двух разных мирах одновременно. Теперь понятно?

– Ни капельки, – призналась Сейди.

– Хмм. – Амоса это совсем не удивило. – Вам предстоит еще многое узнать. Пока скажу лишь, что бог Тот основал Дом жизни. Этот особняк – региональная штаб-квартира Двадцать первого нома... во всяком случае, была таковой. Я тут обитал в одиночестве... пока вы не появились.

Моя голова разрывалась от обилия вопросов. Я не знал, с какого начать.

– Что такое Дом жизни? Почему Тот – единственный бог, которому позволительно здесь находиться? И почему ты...

Амос сочувственно улыбнулся и помахал рукой.

– Картер, я прекрасно понимаю твое состояние. Но о таких вещах лучше говорить днем. Вам с Сейди нужно поспать. Я не хочу, чтобы вам снились кошмары.

– Думаешь, я смогу уснуть? – спросил я.

– М-мяу!

Маффин громко зевнула и вытянулась на руках у Сейди.

Амос хлопнул в ладоши.

– Хуфу!

Я подумал, что он чихнул. Ну кого могут звать странным именем Хуфу? Я ошибся. Назов Амоса явилось существо ростом в три фута. Оно было покрыто золотистой шерстью и одето в футболку темно-фиолетового цвета. Существо спрыгнуло с нижнего яруса балкона и приземлилось напротив нас. Только теперь я сообразил, что это павиан в форменной футболке баскетбольного клуба «Лос-Анджелес лейкерс».

Павиан оскалил зубы и издал странный звук: нечто среднее между рычанием и рыганием. От него явственно пахло сильно перченными чипсами «Дорито».

Я не нашел ничего умнее, как сказать:

– «Лейкерсы» – команда моего родного города.

Павиан радостно захлопал себя по голове и снова рыгнул.

– Ты понравился Хуфу, – объяснил мне Амос. – Вы с ним замечательно поладите.

– Так, – зевнула Сейди. – Значит, у тебя обезьяна в качестве слуги. Впрочем, чего я удивляюсь?

Маффин продолжала мирно урчать на руках Сейди, будто присутствие павиана ее ничуть не беспокоило.

– Агх! – прорычал Хуфу.

Амос усмехнулся.

– Картер, он хочет посмотреть уровень твоей игры.

Я переминался с ноги на ногу.

– Хорошо. Только не сейчас. Может, завтра. Но как ты понял...

– Картер, тебе придется ко многому привыкнуть, – сказал Амос. – Но если ты намерен выжить и спасти своего отца, тебе сначала нужно отдохнуть.

– Эй! – встряла Сейди. – Как понимать «выжить и спасти своего отца»? Хотелось бы пояснений.

– Завтра. Ваше знакомство с новой жизнью и обучение начнется завтра утром. А теперь, Хуфу, будь добр, проводи Картера и Сейди в их комнаты.

– Агх-ухх, – ответил павиан.

Он повернулся и важно двинулся к лестнице. К сожалению, футболка «Лейкерсов» не прикрывала его разноцветный зад.

Мы двинулись следом, но тут Амос остановил меня.

– Картер, пожалуйста, отдай мне отцовский рюкзак. Будет лучше, если я запру его в библиотеке.

Меньше всего мне хотелось отдавать ему рюкзак, о существовании которого я успел на время забыть. Но рюкзак – это все, что осталось у меня от отца. Мой багаж ночевал сейчас в Британском музее. Удивительно, как полиция не забрала рюкзак. Такое ощущение, что его попросту не заметили.

– В надлежащее время я верну его тебе, – пообещал Амос.

Он не требовал, а вежливо просил, однако выражение дядиных глаз подсказывало, что выбора у меня нет.

Я подал ему рюкзак. Амос взял его с осторожностью, будто внутри лежала взрывчатка.

– Спокойной ночи, – сказал он.

Амос прошел к дверям библиотеки. Двери приоткрылись ровно настолько, чтобы он смог проскользнуть внутрь. Мы ничего не успели рассмотреть, как створки сомкнулись опять.

Я посмотрел на Сейди. Можно было бы улечься на кожаном диване, но ночевать в громадном зале, по соседству со статуей Тота выглядело не слишком заманчиво. Пришлось отправиться вслед за Хуфу.

Нам с Сейди приготовили две соседние комнаты на третьем этаже. Должен сознаться, они были гораздо круче всех гостиничных номеров, в которых я останавливался.

Фактически это была целая квартира, плотно набитая моей любимой едой и питьем: имбирный эль... [Да, Сейди, я уже взрослый и не буду пить газировку! Успокойся!] Кроме эля несколько сортов моего любимого печенья и конфет. Уму непостижимо! Откуда Амос узнал про все это? В комнате стояли телевизор, компьютер и музыкальный центр последних моделей. В ванной я обнаружил свою любимую зубную пасту, дезодорант и все прочее. Кровати хватило бы на троих таких, как я. Жаль только, что вместо нормальных матерчатых подушек лежало изголовье, вырезанное из слоновой кости. Такие штучки я видел в египетских гробницах. Изголовье украшали фигурки львов и, конечно же, иероглифы.

С балкона открывался вид на нью-йоркский порт, Манхэттен и статую Свободы, мерцающую вдалеке. Я хотел подышать местным воздухом, но раздвижная дверь оказалась запертой. Вот и первое указание на то, что происходящее могло таить в себе опасность. Я обернулся к Хуфу, но павиан уже ушел. Дверь в мою комнату тоже оказалась закрытой.

– Картер! – послышалось из-за двери, соединявшей наши с сестрой комнаты.

Я подергал ручку. Естественно, и эта дверь была заперта.

– Мы узники, – сказала Сейди. – Как ты думаешь, Амосу... можно доверять?

После сегодняшних событий я не доверял никому и ничему. Но не мог сказать об этом Сейди. В ее голосе звучал страх. Я почувствовал, что должен ее успокоить. Глупость, конечно. Сейди всегда была смелее меня. Она делала что ей вздумается и никогда не беспокоилась о последствиях. Это обычно я боялся, а не она. Но сейчас я вдруг ощутил потребность сыграть давно не игранную роль. Роль старшего брата.

– Не волнуйся, все будет нормально, – уверенным голосом сказал я. – Если бы Амос хотел как-то навредить нам, он бы сделал это гораздо раньше. Постарайся уснуть.

– Картер!

– Ну чего еще?

– Это ведь все магия? То, что случилось с отцом в музее. Лодка Амоса. Этот дом. Сплошная магия.

– Думаю, что так.

Она громко вздохнула.

– Хорошо. А то я уж боялась, что у меня крыша едет.

– Спокойной ночи.

Я осознал, что не говорил этого Сейди с той поры, когда мы еще жили вместе в Лос-Анджелесе и мама была жива.

– Я скучаю по отцу, – призналась Сейди. – Я ведь его почти не видела... и все равно скучаю.

К глазам моим подступили слезы, и я сделал глубокий вдох. Я не имел права быть слабым. Сейди нуждалась во мне. Отец нуждался в нас обоих.

– Мы обязательно его найдем, – пообещал я. – Приятных снов.

Я прижался ухом к двери, но с другой стороны слышалось лишь негромкое мурлыканье кошки. Маффин осваивалась на новом месте. Хотя бы не чувствовала себя несчастной.

Мне хотелось спать, и я лег. Под одеялом было тепло и приятно, но спать на дурацком изголовье я не мог. У меня затекла шея, и тогда я положил изголовье на пол и решил спать без него.

Это было моей первой большой ошибкой.

## 6. Завтрак с крокодилом

*Картер*

Как назвать то, что я видел? Это был не кошмар, а нечто более реальное и потому пугающее.

Во сне я вдруг ощутил себя невесомым. Наверное, я проснулся и вдруг увидел себя наверху. Внизу, на кровати, лежало мое тело.

Мелькнула мысль: «Я умираю». Но это было не так. Я не превратился в призрак. У меня появилось новое тело: светящееся, золотистое, с крыльями вместо рук. Я стал кем-то вроде птицы. [Нет, Сейди, я не превратился в курицу. Может, позволишь мне продолжить?]

Я знал: это не сон. Мне не снятся цветные сны. И все пять чувств у меня во сне не работают. В комнате слегка пахло жасмином. В недопитой жестянке имбирного эля, что стояла на ночном столике, булькали пузырьки углекислого газа. Мои перья теребил холодный ветер. Значит, окна открыты? Мне не хотелось вылетать из комнаты, но сильный поток подхватил меня, как листик в бурю, и вынес.

Особняк остался внизу. Силуэт Нью-Йорка стал размываться и исчез. Я летел сквозь темноту и туман, слушая шепот странных голосов. В животе возникли те же ощущения, как во время плавания на лодке Амоса. Потом туман рассеялся, и я оказался совсем в другом месте.

Я парил над каменистыми склонами горы. Далеко внизу, на другом конце долины, светился огнями город. Нет, это был не Нью-Йорк. Ночная темнота не помешала мне почувствовать, что я нахожусь в пустыне. Ветер был настолько жарким, что кожа лица стала сухой, как бумага. Понимаю, звучит нелепо, но я по-прежнему ощущал свое лицо человеческим, будто оно существовало само по себе и не превратилось в птичью голову. [Отлично, Сейди. Можешь называть меня Картером Куриноголовым. Довольна?]

Подо мной на уступе стояли двое. Кажется, они меня не заметили. Я понял, что мое свечение померкло. Словно птица-невидимка, я парил в темном ночном воздухе. Фигуры были видны не слишком отчетливо, однако я понимал, что это не люди. Я напряг зрение. Первый из стоявших оказался низеньким, толстым и лысым. Его кожа странно блестела под лунным светом, и я сразу подумал о жабе, вставшей на задние лапки. Второй был высоким и невероятно тощим, с когтистыми ногами, как у петуха. Лица его я почти не видел. Скажу только, что оно было красным и влажным... В общем, это даже хорошо, что я не разглядел его лицо.

– Где же он? – нервозно квакнул первый, похожий на жабу.

– Он пока не обзавелся постоянным хозяином, – раздраженно ответил второй, с петушиными ногами. – Он может появляться лишь на короткое время.

– А ты уверен, что мы находимся в нужном месте?

– Да, идиот! Вскоре он будет здесь.

На уступе появилась третья фигура, огненная. Те двое упали ниц и буквально зарылись в щебень. Я отчаянно желал, чтобы он меня не увидел.

– Мой повелитель! – заквакал жабообразный.

В темноте мне был виден лишь огненный человеческий силуэт.

– Как называется это место? – спросил тот, кого назвали повелителем.

Едва он раскрыл рот, я сразу понял, кто он. Этот тип напал на отца в Британском музее! Весь вчерашний страх мгновенно вернулся ко мне, и я замер. В музее я пытался бросить в него обломком камня. Здесь я не мог сделать даже это. От мысли, что я ничем не помог отцу, мне стало паршиво.

– Мой повелитель, эту гору называют Верблюжьей, – сказал прихвостень с петушиными лапами. – Издали она напоминает верблюда, опустившегося на колени. А город, что светится вдали, – это Финикс. То есть Феникс, если отбросить особенность произношения на их языке.

Огненный человек громогласно расхохотался.

– Феникс. Какое точное название! И пустыня совсем как в родных местах. Ее нужно лишь хорошенько прожечь огнем. Пустыня должна сделаться выжженной, бесплодной. Согласны?

– Несомненно, мой повелитель, – заквакал жабообразный. – А что с остальными четверья?

– Один уже погребен, – сообщил огненный человек. – Вторая слаба. Ею легко помыкать. Остаются еще двое. Но с ними я расправлюсь, причем довольно скоро.

– Позвольте спросить... как? – спросил жабообразный.

Огненный человек вспыхнул ярче.

– До чего же ты любопытен, головастик!

Он ткнул в жабообразного пальцем, и от кожи этой твари повалил пар.

– Нет! – взмолился тот. – Пощади-и-те!

Я с трудом наблюдал за всем этим. Даже не хочется рассказывать. Может, слышали про жестоких деток, которые посыпают улиток солью? Примерно то же происходило и с жабообразным. Вскоре от него в буквальном смысле осталось мокрое место.

Петушиные Ноги опасливо попятился. Я его вполне понимал.

– Здесь мы воздвигнем мой храм, – как ни в чем не бывало продолжал огненный человек. – Гора станет местом поклонения мне. Когда все будет готово, я сотворю величайшую в мире бурю. Я очищу пространство! Все, без остатка!

– Да, мой повелитель, – поспешно согласился Петушиные Ноги. – Но смею ли я предложить вам нечто для увеличения вашего могущества?

Он склонил голову и шагнул вперед. Похоже, это был величайший секрет, который нужно шептать на ухо. Но такое шептание грозило превратить его в жареную курятину. Его обещания я, естественно, не услышал, однако огненный человек вспыхнул еще ярче.

– Превосходно! Если ты это сделаешь, то будешь вознагражден. А если нет...

– Понимаю, мой повелитель.

– Действуй без промедления, – приказал огненный человек. – Выпусти в мир наши силы. Начни с длинношеих. Они всегда производят сильное впечатление. Потомство захватишь и доставишь ко мне. Мне они нужны живыми, и это должно случиться раньше, чем они узнают о своих силах. И только посмей меня подвести!

– Ни в коем случае, мой повелитель.

– Феникс, – мечтательно произнес огненный человек. – Очень мне это нравится.

Он обвел рукой горизонт, словно уже видел город полыхающим в огне.

– Скоро я восстану из вашего пепла. Это будет дивный подарок мне на день рождения.

Я проснулся в своем теле. Сердце бешено колотилось. Мне было жарко, как будто огненный человек стоял рядом. Но оказалось – это всего-навсего Маффин, пристроившаяся у меня на груди.

– Мурр? – спросила она, приоткрыв глаза.

– А ты здесь откуда? – пробормотал я.

Я сел на кровати и не сразу сообразил, где нахожусь. Мы опять куда-то приехали? Я уже собрался окликнуть отца... и тут вспомнил.

Вчерашний день. Музей. Саркофаг.

Случившееся навалилось на меня каменной глыбой. Стало тяжело дышать.

«Перестань, – приказал я себе. – У тебя нет времени горевать».

Может, вам покажется странным, но голос у меня внутри принадлежал как будто другому человеку – тому, кто старше и сильнее. Либо это был добрый знак, либо я сходил с ума.

«Запомни то, что видел, – продолжал голос. – Он вас в покое не оставит. Не расслабляйтесь».

Меня пробрала дрожь. Может, это только сон? Бывают же страшные сны. Но себя не обманешь. За сутки произошло много такого, что не оставляло сомнений в реальности увиденного. Не знаю как, но я действительно выходил из тела и летал. Я побывал в окрестностях Финикса, за тысячу миль отсюда. И огненный человек тоже был там. Я почти ничего не понял из его разговора с прислужником, но слова о захвате потомства относились... как вы думаете, к кому?

Маффин прыгнула с кровати, обнюхала лежавшее на полу изголовье и посмотрела на меня, будто пыталась что-то сказать.

– Можешь на нем спать, – разрешил я. – Мне эта штука не понравилась.

Кошка потерлась головой о слоновую кость и снова посмотрела на меня. Уже с упрёком.

– У меня, киса, своя голова на плечах.

Желание спать начисто улетучилось. Я встал и отправился в ванную, где принял душ. Открыв шкаф, я обнаружил, что за ночь моя одежда куда-то пропала. Все остальное было моего размера, но сильно отличалось от привычных мне фасонов. Там висели штаны свободного покроя, которые завязываются на шнурок, и балахонистые рубашки. Все они были из белого полотна. Рядом я увидел одежду на случай холодной погоды. Она напоминала ту, что носят феллахи – египетские крестьяне. Это был совсем не мой стиль одежды.

Сейди без конца подкусывает меня за неумение стильно одеваться. Она говорит, что я одеваюсь как старик: старомодные рубашки, у которых кончики воротничка пристегиваются на пуговицы, слаксы, кожаные туфли. Может, это и так. Но отец не уставал вбивать мне в голову, что я должен одеваться как можно лучше.

Помню день, когда он впервые заговорил об одежде. Мы ехали в Афинский аэропорт. Жара за окнами машины достигала 112 градусов<sup>10</sup>. Я обливался потом и удивлялся, почему мне нельзя переодеться в футболку и шорты. Зачем эти муки? Мы же едем в аэропорт, а не на торжественный прием.

Отец похлопал меня по плечу и сказал:

– Картер, ты уже не маленький, и мне хочется, чтобы ты усвоил некоторые вещи. Мы с тобой не просто американцы. Мы – афроамериканцы. Конечно, со времен моего детства отношение к чернокожим заметно изменилось. Но люди всегда будут судить тебя строже, чем белых, и потому ты должен выглядеть безупречно.

– Но это несправедливо! – возмутился я.

– Справедливость не означает, что все получают поровну, – ответил отец. – Справедливость – это когда каждый получает то, что ему необходимо. И не просто так, а сообразно своим усилиям. Другого способа нет. А в число усилий входит и старание одеваться как подобает. Тебе понятно?

Я ответил, что ничего не понял. Но делал так, как он велел. Тщательный выбор одежды встал в один ряд с изучением Древнего Египта, баскетбольными тренировками, занятиями музыкой и практикой в путешествиях с единственным чемоданом. Я не перечил отцу. Он всегда оказывался прав... до вчерашнего вечера в Британском музее.

Я надел то, что было. Ноги в шлепанцах чувствовали себя вполне уютно, но в такой обуви не побегаешь.

---

<sup>10</sup> Это по Фаренгейту. По Цельсию – 44 градуса.

Дверь в комнату Сейди была открыта, но сестру я там не застал.

К счастью, дверь моей комнаты тоже отперли. Маффин побежала вместе со мной. Мы прошли по балкону мимо пустующих комнат и спустились вниз. Особняк мог бы принять на ночлег не менее сотни человек, но он пустовал, и в этом было что-то пугающее.

На диване сидел павиан Хуфу, сжимая ступнями баскетбольный мяч. В руках он держал странный кусок мяса, покрытый розовыми перьями. По телевизору шел обзор спортивных событий вчерашнего вечера.

– Привет! – сказал я Хуфу, сам удивляясь, что разговариваю с павианом. – «Лейкерсы» выиграли?

Хуфу скосил на меня глаза и постучал ногами по мячу. Похоже, он был не прочь сыграть прямо сейчас.

– Агх, агх, – проверещал он.

К его губам прилипло розовое перо, отчего у меня в животе возникли не самые приятные ощущения.

– Да, понимаю. Мы поиграем. Чуть позже. Договорились?

Амос и Сейди завтракали на террасе. Погода была далеко не летней, но им хватало тепла горящего очага. Во всяком случае, не похоже было, что они мерзнут. Я немного задержался возле статуи Тота. При дневном свете бог с птичьей головой уже не казался таким страшным. Но все равно я мог поклясться, что бусинки его глаз внимательно следили за мной.

Я стал вспоминать слова огненного человека. Он говорил, что нас нужно схватить раньше, чем мы узнаем о своих силах. Какие у нас силы? Но тем не менее, вспомнив об этом, я ощутил их прилив. Совсем как вчера, когда я движением руки заставил входную дверь подняться. Мне показалось: если я захочу, то смогу поднять что угодно. Даже тридцатифутовую статую бога Тота. Состояние, которое я сейчас испытывал, было похоже на гипноз.

Маффин с голодным мяуканьем потерлась мне о ноги. Странное состояние рассеялось.

– Ты права, – сказал я кошке. – Дурацкая мысль.

Я улавливал вкусные запахи завтрака: французскую сдобу, поджаренный бекон, горячий шоколад. Естественно, Маффин не терпелось поскорее оказаться на террасе. Я пошел за ней и толкнул стеклянную дверь.

– Ну вот и Картер проснулся, – приветствовал меня Амос. – С Рождеством тебя, мой мальчик. Садись завтракать.

– Давно бы пора, – проворчала Сейди. – Мы уже не знаю сколько времени тебя ждем.

Наши глаза встретились, и я понял, что у нас с ней схожие мысли. И они были связаны со словом «Рождество». После маминой смерти мы не встречали вместе ни одно рождественское утро. Наверное, Сейди забыла, как мы делали украшения из шерстяных ниток и конфет. И знаете какое? Глаз Гора!

Амос налил себе большую чашку кофе. На нем была та же одежда, что и вчера. Надо сказать, наш дядя умел одеваться стильно. Его костюм из синего сукна был сшит на заказ. Костюм дополняла мягкая шляпа того же цвета. Волосы были аккуратно заплетены в косичку, украшенную ляпис-лазурью – камнем, из которого древние египтяне любили делать украшения. Даже стекла круглых очков отсвечивали голубой тонировкой. Возле очага, на специальной подставке, лежал тенор-саксофон. Я на миг представил, как Амос играет что-нибудь меланхоличное, и звуки его саксофона разносятся над Ист-ривер.

Сейди тоже была в полотняной пижаме, но ей каким-то образом удалось сохранить свои любимые ботинки. Наверное, спала в них. Такой наряд не очень-то вязался с красными прядями ее волос, но я не стал ее поддразнивать. У меня самого вид был не лучше.

– Скажи, Амос... ты здесь не держишь комнатных птичек? А то Хуфу всю лопают что-то пернатое. Перья розовые.

Амос хмыкнул и глотнул кофе.

– Прошу прощения, если это зрелище тебя расстроило. Видишь ли, Хуфу – очень разборчивое существо. Он ест только то, что оканчивается на букву «о». «Дорито», буррито<sup>11</sup>, фламинго.

– Ты хочешь сказать...

– Картер, – одернула меня Сейди. – Не спрашивай.

Похоже, она уже поднимала эту тему и услышала то же, что и я.

– Пожалуйста. Могу и не спрашивать.

– Угощайся, – сказал мне Амос, кивая на стол, заставленный разнообразной едой. – А потом займемся объяснениями, которые тебе вчера так не терпелось получить.

К счастью, на столе не было никаких блюд из фламинго, и это меня успокоило. Зато там хватало более привычной еды. Я положил себе большую порцию блинов с маслом и сиропом, кусок поджаренного бекона и налил стакан апельсинового сока.

Краешком глаза я заметил какое-то движение и оглянулся на бассейн. Под водой плавало что-то длинное и бледное. Я едва не выронил тарелку.

– Там кто?

– Крокодил, – будничным тоном ответил Амос. – Символ удачи. Он альбинос, но прошу тебя не заострять на этом внимания. Ему неприятно это слышать.

– Его зовут Филипп Македонский<sup>12</sup>, – сообщила Сейди.

И Сейди так спокойно относится к соседству крокодила? Ну, если она не боится, мне тем более нельзя показывать свой страх.

– Какое длинное имя, – сказал я.

– Так и крокодил длинный, – заметила Сейди. – Кстати, он любит бекон.

В подтверждение своих слов она бросила через плечо кусочек бекона. Филипп выпрыгнул и на лету поймал угощение. Его кожа была совсем белой, а глаза – розовыми. В здоровенной пасти уместился бы не то что бекон, а целый поросенок.

– Для моих друзей он совсем безобидный, – заверил меня Амос. – В древние времена возле каждого храма было озеро с крокодилами. Крокодилы – сильные маги.

– Значит, павиан, крокодил... это все твои домашние животные? – спросил я.

Амос задумался.

– Если говорить о видимых, то все.

Я пересел, стараясь находиться подальше от бассейна. Возле ног терлась урчащая Маффин. Кошке тоже хватало ума не приближаться к магическому крокодилу.

– Амос, ты обещал нам объяснить, – напомнил я дяде, жуя очередной блин.

– Конечно. С чего начнем?

– С кого, – поправила его Сейди. – С нашего отца. Что с ним произошло?

Амос втянул в себя воздух.

– Джулиус пытался вызвать бога. К сожалению, это ему удалось.

Мне было трудно принимать дядины слова всерьез. Сами подумайте: он сидел, намазывал масло на булочку и говорил о... вызывании богов!

– Какого именно? – спросил я, подлаживаясь под дядин тон. – Или отцу было все равно?

Сейди лягнула меня. По ее серьезной физиономии я понял, что она действительно верит дядиным словам.

– Египетских богов много, и ты это знаешь, – продолжал Амос, жуя булочку. – Но твоему отцу требовался не любой из них.

Он многозначительно посмотрел на меня.

---

<sup>11</sup> Буррито – мексиканская лепешка с начинкой.

<sup>12</sup> Так звали нескольких правителей Древней Греции и, в частности, отца Александра Македонского.

– Осирис! – вспомнил я. – Когда отец стоял перед Розеттским камнем, он произнес: «Осирис, приди». Но ведь Осирис – это легенда. Говоря современным языком, придумка.

– Ты сейчас повторяешь мнение некоторых кабинетных ученых.

Амос глядел на другой берег Ист-ривер, где под утренним солнцем высились небо-скребы Манхэттена.

– Древние египтяне не были глупцами. Они построили пирамиды. Они построили первое великое государство. Их цивилизация насчитывала несколько тысяч лет.

– Ну и что? Все равно их цивилизация исчезла.

Амос покачал головой.

– Такое могущественное наследие не может исчезнуть. По сравнению с египтянами, греки и римляне – просто малые дети. А наши страны? Даже такие, как Англия и Америка? Исторический миг. Древнейшие корни цивилизации, по крайней мере западной, – они в Египте. Возьми любую долларовую купюру. На ней изображена пирамида. А монумент Вашингтона?<sup>13</sup> Это же настоящий египетский обелиск. Нет, Картер, Египет продолжает жить. Его боги, к сожалению, тоже.

– Постой. Я еще могу верить в реальность магии... хотя и с трудом. Но верить в древних богов? Скажи, что ты шутишь.

Но даже говоря эти слова, я вспоминал огненного человека в музее. Его лицо, становившееся то человеческим, то звериной мордой. А глаза статуи Тота, следившие за мной?

– Картер, я тебе еще раз говорю: древние египтяне не были глупцами. Они бы ни за что не стали верить в воображаемых богов. Существа, о которых говорится в их мифах, были очень и очень реальными. В те давние времена жрецы призывали богов и с помощью их силы творили то, что сегодня не сделать с нашими высокими технологиями. Они творили чудеса в полном смысле слова. Магия и началась с египтян. В каждом храме была своя группа магов, называемая Домом жизни. Египетские маги были знамениты по всему древнему миру.

– И ты – далекий потомок египетских магов? – спросил я.

Амос кивнул.

– И ваш отец тоже. Вчера вы в этом убедились.

Я колебался, хотя все действия отца в Британском музее никак нельзя было назвать научным экспериментом. Похоже, он занимался там магией.

– Но отец всегда говорил мне, что он – археолог, специализирующийся на Древнем Египте.

– В нашем мире называть себя магом небезопасно. Тебя сочтут либо шарлатаном, либо сумасшедшим. Между прочим, современные предрассудки куда глупее древних. Но ты помнишь: отец занимался переводом древних заклинаний, а их невозможно понять, если ты сам не маг. Род Кейнов – очень древний. Фактически мы с самого начала были связаны с Домом жизни. И род вашей матери такой же древний.

– Фаусты? – удивился я.

По-моему, вся их магия сводилась к тому, что дед до одурения смотрел матчи регби, а бабушка пекла несъедобное печенье.

– В их роду магия оказалась забытой на многие поколения. До тех пор, пока не появилась ваша мама. И тем не менее это тоже древний магический род.

– Ты хочешь сказать, что и мама занималась магией? – замотала головой Сейди. – Это рождественская шутка?

– Мне не до шуток, – возразил Амос. – А в вас обоих... соединилась кровь двух древних родов, каждый из которых очень часто взаимодействовал с богами. Вы – наиболее могу-

---

<sup>13</sup> Памятник первому президенту Соединенных Штатов в столице страны. Был построен в 1884–1885 гг. Высота монумента – 169 м.

щественные потомки магов за последние несколько веков. Я говорю это не затем, чтобы вы задрали носы. Могущество имеет и свою оборотную сторону.

Сейчас я в полной мере ощущал лишь оборотную сторону. Никакой силы. Даже после обильного завтрака я чувствовал себя выжатым.

– Ты хочешь сказать, что наши родители тайно поклонялись богам со звериными и птичьими головами?

– Не поклонялись, – поправил меня Амос. – К концу древней эпохи египтяне убедились, что их боги недостойны поклонения. Это были могущественные существа, воплощавшие в себе природные силы. Но ничего божественного в них не было. Кстати, представления египтян о Боге почти совпадали с нашими. А многочисленные боги – они больше напоминали смертных, только наделенных великой силой. Мы можем уважать этих богов, испытывать перед ними страх, пользоваться их силой и даже сражаться с ними, чтобы держать их под контролем.

– Сражаться с богами? – удивилась Сейди.

– Это происходило сплошь и рядом, – без тени улыбки ответил Амос. – Продолжается и сейчас. Но мы не поклоняемся египетским богам. Этому научил нас Тот.

Я взглянул на Сейди. Если сказанное Амосом не было шуткой, то не спятил ли наш дядюшка? Но Сейди жадно ловила каждое его слово. И верила каждому его слову.

– Тогда... тогда зачем отец разрушил Розеттский камень?

– Уверен, он не собирался разрушать камень. Думаю, отец ужаснулся не меньше вас. Но мои лондонские братья, скорее всего, уже исправили повреждения. Хранители сегодня явятся в музей и удивятся, что Розеттский камень чудесным образом пережил взрыв и не пострадал.

– Как не пострадал? – воскликнул я. – Камень разлетелся на миллион кусочков. Такое уже не исправишь.

Амос взял блюдце и швырнул на каменный пол. Естественно, блюдце разбилось вдребезги.

– Это разрушение, – сказал он. – Я бы мог разбить блюдце с помощью заклинания «хадди», но проще было бросить его на пол. А теперь, – Амос поднял руку, – я прикажу ему восстановиться. «Хи-хем».

В воздухе появился голубой иероглиф.



Осколки блюдца собрались у Амоса в руке, как фрагменты пазла. Самое удивительное, что даже мельчайшие кусочки нашли свои места. Но еще более удивило меня отсутствие трещин. В руке у нашего дяди было целехонькое блюдце.

– Неплохой фокус, – сказал я, стараясь сохранять спокойствие. А в памяти у меня всплыли все те странные вещи, свидетелем которых мне довелось стать в наших с отцом путешествиях. К примеру, случай с бандитами в каирском отеле, неведомым образом повисшими на люстре вниз головой. Может, отец тогда тоже применил какое-то древнее заклинание?

Амос налил в восстановленное блюдце молока и поставил на пол. Маффин, успевшая закусить беконом, принялась жадно лакать.

– В любом случае ваш отец не решился бы намеренно уничтожить реликвию. Он просто не подозревал, какая сила сосредоточена в Розеттском камне. Египетская цивилизация исчезла, но египетская магия продолжает жить и накапливаться в статуях, обелисках, камнях и предметах утвари. Основная часть всего этого по-прежнему находится в Египте, но в любом крупном музее мира вы обязательно найдете раздел с египетскими экспонатами. Маг способен воспользоваться ими как... усилителями и заставить работать древние заклинания.

– Все равно не понимаю, – сказал я.

Амос развел руками.

– Еще бы! Чтобы постичь магию, нужны годы кропотливой учебы, а я пытаюсь объяснить это за полчаса. Суть такова: все эти шесть лет ваш отец искал способ вызвать Осириса. Наконец он решил, что самым подходящим средством для этого является Розеттский камень.

– А зачем отцу понадобился Осирис?

– Неужели не догадался? – вопросом ответила мне Сейди. – Осирис считается повелителем мертвых. Папа хотел договориться с ним и вернуть маму.

С реки вдруг подул холодным ветром. Пламя в очаге зашипело.

– Он хотел вернуть маму с того света? – почти закричал я. – Да это же безумие!

Амос покачал головой, как взрослый, услышавший детскую глупость.

– Я бы так не сказал, Картер. Это было опасно. Правила магии не советуют заниматься подобными ритуалами. Возможно, это было глупо. Но не считай отцовскую попытку безумием. Если бы все получилось так, как он задумал, Осирис помог бы ему в этом.

– Сейди, ты в это веришь? – в отчаянии спросил я.

– А магию в музее помнишь? Того огненного типа? Отец кого-то вызвал из камня.

Огненного типа я помнил очень хорошо, и не только по музею.

– Но ведь отец вызвал не Осириса?

– Нет, – согласился Амос. – Джулиус получил больше, чем просил. Он освободил дух Осириса. Думаю, он сумел воссоединиться с богом.

– Воссоединиться?

– Здесь понадобится еще один долгий разговор. Пока лишь скажу, что ваш отец впустил силу Осириса в себя. Но воспользоваться ею не смог. Если я правильно понял рассказ Сейди, Джулиус освободил из Розеттского камня не одного, а сразу пятерых богов. Их всех вместе держали в заточении.

– Ты что, все рассказала Амосу? – накинулся я на сестру.

– Картер, а кто еще нам поможет?

Я не спешил доверять этому человеку, даже если он нам и родной дядя. Но других помощников у нас не было.

– Да. Огненный человек сказал отцу что-то вроде: «Ты освободил всех пятерых». Как это понимать?

Амос отхлебнул кофе. Отрешенный взгляд на его лице напомнил мне отца.

– Не хотелось бы вас пугать.

– Слишком поздно.

– Египетские боги очень опасны. За последние две тысячи лет основные усилия магов были сосредоточены на том, чтобы не дать богам прорваться в мир. Их в буквальном смысле связывали и выдворяли обратно. Самым важным нашим законом до сих пор остается закон, изданный Верховным чтецом Искандаром еще во времена римлян. Этот закон запрещает призывать египетских богов и использовать их силу. Ваш отец однажды уже нарушил закон Искандара.

Сейди побледнела.

– Это было связано с маминой смертью? С Иглой Клеопатры в Лондоне?

– Скажем так: смерть вашей мамы явилась следствием того, что делали ваши родители. Они искренне считали, что несут людям благо. При этом сами они чудовищно рисковали. Вашей маме это стоило жизни. Отец уцелел только чудом. Всю вину он принял на себя. Его изгнали из сообщества магов. Дом зорко следил за его действиями, и потому Джулиус был вынужден постоянно странствовать. Маги боялись, что ваш отец не прекратил своих... исследований. Как видим, так оно и было.

Мне сразу вспомнилось, как отец, копируя древние иероглифы, постоянно оглядывался через плечо. Бывало, он будил меня в три или четыре часа утра и говорил, что мы переезжаем в другую гостиницу. Однажды я стал от нечего делать перерисовывать в блокнот иероглифы со стены древнего храма. Увидев это, отец категорически запретил мне что-либо срисовывать на местах раскопок. Наверное, и запрет прикасаться к его рюкзаку был вызван все тем же. Получалось, отец постоянно опасался нападения, а меня успокаивал, что все идет нормально.

– Значит, наш отец превратился в... как это называется... изгой? – спросила Сейди. – И из-за этого ты не виделся с нами? Тебе запретили?

– Да, Сейди. Дом запретил мне видеться и с Джулиусом, и с вами. Мне это было горько, но я соблюдал запрет, чтобы не сделать брату еще хуже. Соблюдал... вплоть до вчерашнего вечера, когда попытался помочь Джулиусу. Ему несколько лет не давала покоя мысль найти Осириса. Иногда мне казалось, что от горя рассудок вашего отца помутился. Джулиус не мог смириться с гибелью Руби. Когда я узнал, что он собрался «исправить положение» и ради этого готов вновь нарушить закон, я счел необходимым вмешаться. Вторичное нарушение могло повлечь за собой смертный приговор. К сожалению, моя попытка провалилась. Я забыл, до чего упрям мой брат.

Моя еда остыла. Маффин, прыгнувшая на стол, вопросительно терлась о мою руку. Увидев, что я не возражаю, она стала доедать бекон.

– Вчера в музее я еще видел девушку с кинжалом и человека с раздвоенной бородой. Это тоже маги? Они из Дома жизни?

– Да. Они следили за вашим отцом. Вам повезло, что они вас отпустили.

– Девушка собиралась нас убить, – вспомнил я. – Но бородатый ей сказал: «Не сейчас».

– Эти люди – не убийцы и на убийство идут лишь в случае крайней необходимости, – объяснил Амос. – Они будут следить за вами. Им важно знать, представляете вы угрозу или нет.

– Какая от нас угроза? – удивилась Сейди. – Мы же еще дети! И не мы собирались вызывать Осириса.

Амос отодвинул опустевшую тарелку.

– Тем не менее по этой причине вас в свое время разделили.

– Нас разделили, потому что мамы родители подали на отца в суд, – возразил я. –

И отец проиграл суд.

– Это только часть правды, – сказал Амос. – Дом настоял, чтобы вас разделили. Отец хотел оставить вас обоих. Тоже пример его упрямства. Он прекрасно знал, насколько это опасно.

Сейди дернулась, будто ей врезали между глаз.

– Он хотел меня взять?

– Да, Сейди. Но Дом вмешался и сделал так, чтобы ты осталась у деда с бабушкой. Если бы вы с Картером росли вместе, то стали бы очень могущественными. Наверное, вы оба заметили, что многое изменилось. А ведь вы вместе всего сутки.

Я вспомнил о приливах силы, о том, как Сейди вдруг сумела прочесть древнеегипетские иероглифы. Потом мне вспомнился один давний случай.

– Твой день рождения, когда тебе исполнилось шесть, – сказал я Сейди.

– Торт! – воскликнула она, и воспоминание электрической искрой пробежало между нами.

Это был последний день рождения сестры, который мы праздновали всей семьей. Мы с Сейди крупно поспорили. Причину я уже не помню. Кажется, ей было не задуть свечки. Я предложил ей свою помощь, но Сейди отказалась. Мы перешли на крик. Она схватила меня за рубашку, я ее толкнул. Отец бросился нас разнимать, но прежде чем он вмешался, большой праздничный торт взорвался. Сахарная глазурь разлетелась по всей комнате, попав на стены, на наших родителей и на маленьких гостей, ровесников Сейди. Маме с отцом удалось нас разнять. Нас отправили по своим комнатам. Потом родители нам объяснили, что во время потасовки мы опрокинули торт, отчего глазурь и разлетелась. Но я-то знал, что они говорят неправду. Мы и не прикасались к торту. Он взорвался в ответ на нашу злость. Мне вспомнилась ревущая Сейди, у которой в волосах застрял кусок торта. Большая пластина глазури приклеилась к потолку, причем воткнутая свечка еще продолжала гореть. У одного из взрослых гостей очки покрылись сахарным инеем.

– Так это был ты? – догадался я. – Ты приезжал на день рождения Сейди?

– Ванильная глазурь, – улыбнулся Амос. – Очень вкусно. Но нам тогда стало ясно: дальше вам находиться вместе все опаснее и опаснее.

– И теперь... – У меня дрогнул голос. – Что с нами будет?

Не хотелось сознаваться даже себе, но мне было невыносимо снова расставаться с Сейди. Не скажу, чтобы я восторгался своей сестрицей, но она была всем, что осталось от моей семьи.

– Вне зависимости от одобрения или неодобрения Дома нужно всерьез заняться вашим обучением.

– А почему они против нашего обучения? – удивился я.

– Имей терпение, я со временем все объясню. Пока лишь скажу, что уроки должны начаться немедленно, если мы хотим найти вашего отца и выправить создавшееся положение. Иначе весь мир в опасности. Если бы мы только знали, где...

– Финикс, – вырвалось у меня.

– Что?

Амос так и вперился в меня глазами.

– Этой ночью... может, я видел сон, но мне показалось...

Как бы глупо это ни звучало, я рассказал дяде все о своем полете на гору. Лицо Амоса помрачнело. Значит, новости оказались хуже, чем я предполагал.

– Ты уверен, что он сказал «подарок на день рождения»? – спросил Амос.

– Уверен. А что это значит?

– Там еще шла речь о постоянном хозяине, которого пока нет. Да?

– Во всяком случае, так сказал тот... парень с куриными ногами...

– Это был демон. Мелкий служитель хаоса. А если демоны устремились в мир смертных, времени у нас мало. Плохо, очень плохо.

– Плохо, если бы ты жил в Финиксе.

– Картер, наш враг не ограничится Финиксом. Смотри, как быстро он обретает силу...

Напомни мне его слова про бурю.

– Он сказал: «Я сотворю величайшую в мире бурю».

Амос нахмурился.

– Когда он говорил так в прошлый раз, появилась Сахара. «Величайшая буря» способна уничтожить Северную Америку. Он получит от хаоса столько энергии, что станет почти непобедимым.

– О чем ты говоришь? И вообще, кто этот огненный человек?

Амос махнул рукой, отмечая мои вопросы.

– Сейчас важнее другое: почему ты спал без изголовья?

– Потому что жестко и неудобно. – Я посмотрел на Сейди, ища у нее поддержки. – Ты ведь тоже спала без этой штуки?

– Нет, братец. Ошибаешься. – Она торжествующе закатила глаза. – Я сразу поняла: изголовье мне положили не просто так.

Иногда я просто ненавижу чудовище, которое называется младшей сестрой. [О-ой! Ногу мне не дави своими сапожищами!]

– Время сна – опасное время, – вздохнул Амос. – Сон – это дверь в Дуат.

– Чудненько, – обрадовалась Сейди. – Еще один странный мир.

– Да... можешь называть его и так, – согласился Амос. – Дуат – мир духов и магии. Он находится под нашим миром и состоит из многих слоев и участков. Вчера мы погрузились туда, чтобы попасть в Нью-Йорк, поскольку путешествовать через Дуат намного быстрее. Твое сознание, Картер, во время сна прошло через самые верхние слои Дуата, потому ты и видел сцену на горе. К счастью, тебе удалось остаться целым. Но чем глубже ты погружаешься в Дуат, тем с более ужасными существами сталкиваешься и тем сложнее вернуться обратно. Там есть целые миры, где обитают демоны. А есть дворцы, где пребывают боги в их чистейших формах. От них исходит такая сила, что человек может сгореть дотла. В Дуате есть тюрьмы для исчадий зла, чья природа не поддается никакому описанию. Есть бездонные бездны, заполненные силами хаоса, куда не отваживаются заглядывать даже боги. Твои магические силы стремительно пробуждаются, и тебе никак нельзя спать без защиты. Иначе ты становишься уязвимым для нападений из Дуата или... незапланированных путешествий туда. Изголовье защищено особыми заклинаниями. Они удерживают сознание в теле и не дают ему странствовать, как было этой ночью.

У меня во рту появился противный металлический привкус.

– Значит, я действительно... Он мог меня убить?

С лица Амоса пропали все следы улыбки.

– Способность твоей души к перемещениям доказывает, что развитие идет быстрее, чем я думал. Быстрее, чем должно бы. Если бы Красный властелин тебя заметил...

– Красный властелин! – подхватила Сейди. – Это огненный человек?

Амос встал.

– Я должен разузнать поподробнее. Нельзя сидеть и ждать, пока он тебя найдет. И если на свой день рождения он устроит бурю, то при уровне его могущества...

– Амос, ты никак решил отправиться в Финикс? – У меня онемело все во рту; я едва выговаривал слова. – Амос, мы видели, как он расправился с отцом. Вся папина магия оказалась детской забавой. У него полно демонов. С их помощью он становится сильнее. Он тебя попросту убьет!

Амос сухо улыбнулся, как человек, который и сам понимает, куда собирается влезть. До чего он сейчас был похож на отца!

– Не надо так быстро сбрасывать меня со счетов, – сказал Амос. – Я тоже владею магией. Твой рассказ – это одно. Но чтобы вызволить вашего отца и остановить Красного властелина, я должен многое увидеть своими глазами. Я буду действовать быстро и осторожно. Оставайтесь здесь и ждите меня. Маффин вас защитит.

– Дядя, ты шутишь? Кошка нас защитит? Ты не можешь оставить нас здесь одних! А как же наша учеба?

– Продолжим, когда я вернусь, – пообещал Амос. – Не волнуйтесь. Дом надежно защищен. Главное, никуда не выходите и ни под каким предлогом никому не открывайте дверь. И еще: что бы ни случилось, не входите в библиотеку. Это мой запрет. К заходу солнца я вернусь.

Мы не успели и рта раскрыть, как Амос подошел к краю террасы и прыгнул.  
– Нет! – завопила Сейди.

Мы подбежали к перилам и посмотрели вниз. Там, в сотне футов от нас, поблескивала Ист-ривер. Амос бесследно исчез.

В бассейне шумно плескался Филипп Македонский. Маффин прыгнула на перила и требовала, чтобы мы ее гладили и чесали за ушами.

Итак, мы остались в странном доме, в обществе павиана, крокодила и египетской кошки. А весь окружающий мир даже не подозревал о грозящей ему опасности.

– И что будем делать? – спросил я, глядя на Сейди.

– А ты еще не догадался? – с вызовом спросила она. – Пойдем осматривать библиотеку.

## 7. Я роняю маленького человечка

*Сейди*

Честное слово, Картер иногда бывает настолько тупым, что удивляешься: неужели это мой брат?

Если кто-то говорит: «Я запрещаю», что делает нормальный человек? Правильно, нарушает запрет. Я встала и пошла в библиотеку.

– Постой! – окликнул меня Картер. – Нельзя же так просто...

– Братец, дорогой! Твоя душа опять где-то гуляла, пока Амос говорил? Или ты все-таки слышал его слова? Могу объяснить по-своему. Египетские боги реальны. Красный властелин опасен. Его день рождения тоже реален и очень опасен. Рассказать тебе, что такое Дом жизни? Собирище перепуганных старых магов. Они ненавидят нашу семью, потому что отец бунтовал против их правил. Кстати, мог бы этому у него поучиться. Теперь оценим наше положение. Отец исчез. Какой-то злой бог собирается уничтожить весь мир, а наш дорогой дядя спрыгнул с террасы и тоже исчез. Наверное, устал от нас.

Все это я выпалила на одном дыхании, отчего была вынуждена замолчать и сделать глубокий вдох. [Да, Картер, мне иногда тоже нужно дышать.]

– Продолжаю. Я ничего не забыла? Ах да, у меня есть брат, в котором скрестились два древних могущественных рода, и все такое прочее. Но при своей силе он жутко боится пойти в библиотеку... Ну так идешь или нет?

Картер заморгал, будто я его ударила. В общем-то, это и был удар.

– Я... я просто подумал, что нам нужно быть осторожными, – пробубнил он.

А братец-то мой всерьез испугался. Нет, я не упрекала его за это, но меня удивило его поведение. Как-никак он – мой старший брат. Старше меня на целых два года. Он больше знает и больше видел, путешествуя с отцом по всему миру. Младшим сестрам позволено колошматить старших братьев со всей силой, а те должны стойко переносить наши удары. Но тут я поняла: наверное... всего лишь наверное... я врезала ему слишком уж сильно.

– Ты согласен, что мы должны помочь отцу? – спросила я. – У Амоса в библиотеке хранятся какие-нибудь магические штучки, иначе он бы не стал запирает двери. Ты же хочешь помочь отцу?

Картер смущенно переминался с ноги на ногу.

– Ну... конечно хочу.

– Поэтому не будем, как пай-детки, дожидаться возвращения Амоса, а поищем, нет ли в его библиотеке чего-нибудь полезного.

Картер перестал упираться. Одной проблемой меньше. Мы пошли в дальний конец зала. Но едва Хуфу увидел, куда мы идем, он спрыгнул с дивана и вместе с мячом оказался возле дверей библиотеки. Не думала, что павианы умеют так быстро бегать! Он начал твкать на нас, показывая свои зубки. А зубки у него – будь здоров. Такие перекусят шею не только экзотической розовой птичке.

Картер попробовал объяснить ему, зачем мы туда идем.

– Не волнуйся, Хуфу, мы там ничего не возьмем. Мы просто хотим...

– Агх, – ответил ему павиан, сердито царапая когтями баскетбольный мяч.

Я поняла, что логика против Хуфу бессильна.

– Смотри, Хуфу, что у меня есть. – Я помахала перед его носом большой желтой коробкой с овсяными хлопьями, которую предусмотрительно захватила со стола на террасе. – «Чирио». Кончается на «о» и невероятно вкусно!

– Аггххх! – ответил Хуфу.

Чувствовалось, ему очень хотелось получить это лакомство.

– Хочешь? Вся коробка будет твоей, если ты вернешься на диван и сделаешь вид, что не заметил нас. Согласен?

Я бросила коробку в направлении дивана. Хуфу прыгнул и поймал ее на лету. Заполучив коробку, он уселся на каминный выступ, разодрал картон и принялся сосредоточенно поглощать хлопья. Окружающий мир на время перестал для него существовать.

Картер с завистью и восхищением посмотрел на меня.

– Как ты...

– Кое-кто из нас отличается предусмотрительностью. А теперь давай откроем двери.

Легко сказать! Тяжеленные деревянные двери были обмотаны стальной цепью и обвешаны замками, исключавшими малейшую возможность снять цепь. Дядя явно перестарался.

Картер хотел было повторить вчерашний трюк. Конечно, вчера это выглядело потрясающе, но сегодня его прием не сработал. Тогда брат подергал цепь и замки. Ну что? Убедился, что они не бутфорские?

Мне в затылок снова впились ледяные иголки. Кто-то нашептывал мне, как надо сделать.

– Какие слова произносил Амос, когда расколотил блюдо?

– Чтобы оно соединилось? Кажется, «хи-хем», – сказал Картер.

– Другие, для разрушения.

– А, это «ха-ди». Но для этого нужно владеть магией и знать иероглифы. И даже тогда...

Я протянула руку. Указательный и средний пальцы я соединила вместе, потом прижала к ним и большой. Получилось что-то вроде ружейного ствола. Этому жесту меня никто не учил. Я даже не знала, почему именно так сложила пальцы.

– Ха-ди, – произнесла я.

Возле самого большого замка появился золотистый иероглиф.



И двери взорвались. Взрывной волной Картера опрокинуло на пол. Обрывки цепей и обломки дверей разлетелись по всему Большому залу. Когда пыль осела, Картер встал и начал отряхиваться. Я устояла. Маффин толкалась тут же, одобряюще мурлыкая.

– Как тебе удалось? – только и мог произнести Картер.

– Сама не знаю, – созналась я. – Но вход в библиотеку открыт.

– Слушай, а ты не перестаралась? Как мы объясним Амосу?

– Мы применим второе заклинание, и двери соберутся и встанут на место.

– Нет уж, хватит магии! – запротестовал Картер. – Взрыв нас едва не убил.

Ты думаешь, если применить разрушительное заклинание против кого-то живого...

– И думать не хочу!

Братец даже вздрогнул. Я немножко понаслаждалась его испуганным видом, но заставила себя не улыбнуться.

– Идем смотреть библиотеку.

Честно говоря, я бы и не смогла никого взорвать. Сделав шаг, я вдруг почувствовала такую слабость, что едва не упала. Картер вовремя меня подхватил.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Великолепно, – сказала я, хотя все было наоборот.

У меня урчало в животе и зверски хотелось есть.

– Но ты же умяла такой завтрак, – сказал Картер, когда я рассказала ему о своих ощущениях.

Он был прав. И все равно я ощущала сильнейший голод. Но не идти же на террасу за едой. Еще неизвестно, как поведет себя Хуфу.

– Ничего, я вытерплю.

Картер недоверчиво на меня посмотрел.

– Иероглифы у тебя получились золотистыми. У отца и Амоса они голубые. Почему?

– Возможно, у каждого свой цвет, – предположила я. – У тебя они будут, например, розовыми.

– Очень смешно, – огрызнулся Картер.

– Идем, розовый маг.

Библиотека оказалась настолько удивительной, что я почти забыла про слабость и головокружение. Мы попали в круглый зал, похожий на колодец. Он уходил глубоко в скалу. Это показалось мне странным – ведь особняк Амоса был выстроен на крыше фабричного склада. Но я уже привыкла, что нормальные представления здесь не действовали.

Мы стояли на платформе. Вниз на три этажа спускалась лестница. Стены, пол и куполообразный потолок были покрыты красочными картинами, изображающими людей, богов и чудовищ. Похожие картины я видела в папиных книгах. (Нет, не дома у деда с бабушкой. Но иногда я ходила в большой книжный магазин на Пикадилли. Там был раздел Древнего Египта. Я листала книжки, написанные отцом. Меня не интересовало то, что в них написано. Я это делала ради... «поддержания родственных отношений».) Но в книгах иллюстрации были тусклые и невыразительные. А в библиотеке все сияло так, будто художники закончили работу совсем недавно. Настоящая картинная галерея.

– Как красиво, – сказала я.

На потолке мерцало голубое звездное небо, но оно не было просто синей поверхностью. Я пригляделась и увидела очертания женского тела. Небесная женщина лежала на боку; синие контуры ее туловища, рук и ног были усеяны точками звезд. Внизу, на полу библиотеки, была другая роспись, сделанная в зеленых и коричневых тонах. Она изображала мужчину, только его тело покрывали леса, холмы и города. По его груди змеилась река.

Но в этой удивительной библиотеке почему-то не было книг. И даже книжных стеллажей не было. В стенах тянулись ряды круглых норок, и в каждой лежало что-то вроде пластмассового контейнера.

Углов в круглом зале не могло быть, но зато я увидела четыре точки и почему-то догадалась, что они обозначают стороны света. В каждой точке на пьедестале стояла глиняная статуя. Их высота была вдвое меньше человеческого роста. Одежда статуй состояла из юбочек и сандалий. У них были черные блестящие волосы, подстриженные клинышком. Такими же черными линиями были обведены их глаза. Я и не знала, что уже тогда у египтян существовали карандаши для глаз.

[Картер подсказывает, что никакие это не карандаши, а особый порошок под названием «коль». Велика важность!]

Продолжаю. В руках у одной статуи были перо и свиток. Другая держала не то ящик, не то шкатулку. У третьей я увидела посох с загнутым концом. Руки четвертой были пусты.

– Смотри!

Картер показывал туда, где в центре, на длинном каменном столе лежал отцовский рюкзак. Брат хотел уже спуститься за рюкзаком, но я удержала его.

– Постой. А как насчет ловушек?

– Ловушек? – поморщился Картер.

– Разве в египетских гробницах не было ловушек?

– Были, но редко. И потом, это не гробница. Чаще египтяне использовали силу проклятий. Огненное проклятие, обезьянье проклятие...

– Замечательные названия.

Картер начал спускаться. Вообще-то я всегда иду первой. Но если кому-то не терпится получить жгучую сыпь по всему телу или столкнуться с магической обезьяной, – я за право старшинства. Пожалуйста, Картер.

Но спуск оказался самым обычным. Никаких приключений. Картер расстегнул молнию рюкзака. И опять – ни ловушек, ни проклятий. Он достал странную шкатулку, которую мы мельком видели в Британском музее.

Шкатулка была деревянной и такой длинной, что туда свободно поместился бы французский батон. Крышку украшали такие же картинки, как и на стенах библиотеки: боги, чудовища и люди, идущие боком.

– Это что, у египтян был такой способ передвижения? – не выдержала я. – Они ходили боком, выставив руки и ноги? Тоже мне, великая цивилизация!

Картер посмотрел на меня особым взглядом. Особым, потому что взгляд говорил: «Боже, какая же ты дура!»

– Сейди, это ведь не фотография. Это символическое изображение. В реальной жизни они так не ходили.

– А тогда почему их рисовали такими?

– Потому что рисунки они считали частью магии. Человека изображали так, чтобы были видны все руки и ноги. Иначе в загробной жизни он мог оказаться без руки или ноги.

– И почему лица повернуты в профиль? Ни одной картинке, где лицо было бы целиком. Кстати, они не боялись, что в загробной жизни у них останется только половина лица?

Мой вопрос озадачил Картера. Вот так, братец!

– Знаешь, наверное, они боялись, чтобы картинка не получилась слишком реалистичной. А то можно превратиться в того, кто на тебя смотрит.

– Надо же, сколько страхов! Но хоть чего-то они не боялись?

– Младших сестер. Если младшие сестры оказывались очень болтливыми, египтяне бросали их крокодилам.

Я разинула рот. Честное слово, я успела забыть особенности юмора моего брата.

– Давай открывай шкатулку, – сказала я и хорошенько ущипнула Картера.

Он вынул какой-то белый комочек, похожий на жвачку. Я уже хотела съязвить, но Картер пояснил:

– Натуральный воск.

Я тоже запустила руку в шкатулку и вытащила деревянное перо, дощечку с углублениями для чернил и три баночки с чернилами черного, красного и золотистого цветов.

– Доисторический письменный прибор, – сообщила я, будто мы собирались продавать все это на аукционе.

Картер извлек несколько мотков коричневой веревки, черную матовую фигурку кошки и толстый рулон бумаги. Нет, не бумаги. Папируса. Я вспомнила: отец рассказывал, что египтянам было незачем изобретать бумагу. Им ее заменяли высушенные листья речного тростника. Мне сразу подумалось: может, у них был и туалетный папирус? Толстый и грубый! Если так, то неудивительно, что они двигались боком.

Последней я вытащила из шкатулки уродливую восковую фигурку.

– Фу! – вырвалось у меня.

Фигурка изображала человечка. Похоже, скульптор торопился и не очень думал о красоте пропорций. Руки человека были скрещены на груди, рот открыт, а вот ноги... ноги ему обрезали по самые колени. Вокруг пояса у него был обвязан клочок человеческих волос.

Маффин прыгнула на стол и обнюхивала фигурку. Не знаю, чем он ей так понравился.  
– Ничего особенного, – огорченно вздохнул Картер.

– А что ты думал найти? Волшебную палочку? Конечно, странный набор: воск, туалетный папирус и этот уродец.

– Я думал, мы найдем хоть какие-то объяснения тому, что случилось с отцом. Как нам теперь его вернуть? И кто этот огненный человек, которого он освободил?

Я взяла восковую фигурку.

– Слушай, ты, маленький прыщавый тролль! Ты же все видел и слышал. Рассказывай, что знаешь.

Я мяла фигурку в руках. Восковой человечек стал мягким и теплым, как живой человек.

– Отвечаю на твой призыв, – вдруг сказал он.

Я вскрикнула и выронила фигурку. Человечек упал, ударившись головой о каменный стол. Думаю, на моем месте и вы бы его уронили.

– Ой! – завопил он.

Маффин решила его обнюхать. Человечек стал ругаться на непонятном языке. Наверное, на древнеегипетском. Когда это не помогло, он заверещал по-английски:

– Пошла прочь! Я тебе не мышь!

Я подхватила кошку и спустила на пол.

Лицо Картера побелело и сделалось похожим на воск.

– Кто ты? – спросил он человечка.

– Шабти, кто же еще! – ответил человечек, потирая вмятину на голове.

Оживший кусок воска! Кто бы мог подумать!

– Хозяин зовет меня Клецкой, но я нахожу такое имя оскорбительным. Вы можете звать меня Высшей-Силой-Сокрушающей-Своих-Врагов!

– Договорились, Клецка, – сказала я.

По-моему, он нахмурился, если, конечно, восковые физиономии умеют хмуриться.

– Как вам удалось меня пробудить? Это по силам только хозяину.

– А хозяин, надо понимать, наш отец? – спросила я. – Джулиус Кейн?

– Да, он, – буркнул Клецка. – Вы довольны? Я исполнил то, что вы хотели?

Картер тупо смотрел на меня, а я, кажется, начинала что-то понимать.

– Вот что, Клецка. Если я тебя пробудила, значит, обладаю такой же силой, как твой хозяин. Я сделала это не для забавы. Я велела тебе рассказать все, что ты видел и слышал.

Клецка скрестил свои уродливые ручонки.

– Да, это так. Но я не игрушка для твоих забав. Я не знаю, каким образом тебе удалось меня пробудить, но хозяину это очень не понравится. Он разорвет вас на кусочки.

Наконец у Картера прорезался голос.

– Клецка, ты слышал: хозяин – наш отец. Он исчез. С помощью магии его куда-то переместили. Куда, мы не знаем. Нам нужна твоя помощь.

– Хозяин исчез? – Клецка заулыбался во весь свой восковой рот. – Наконец-то я свободен! Слышите, желторотики?

Он метнулся к краю стола, но забыл, что у него нет ног. Это его не остановило. Клецка полз, помогая себе руками, и радостно кричал:

– Свободен! Свободен!

Он шумно шлепнулся на пол и пополз дальше, радуясь своей свободе. Мне это надоело. Я схватила Клецку и бросила его обратно в шкапулку. Он пробовал вылезти, но стенки были достаточно высокими. Может, отец намеренно сделал его безногим?

– Пленили! – вопил он. – Меня пленили!

– А ну, заткнись! – прикрикнула я. – Теперь я – твоя хозяйка. И ты будешь отвечать на мои вопросы.

- Почему ты так решила? – удивился Картер.
- Потому что у меня хватило сил и ума пробудить его.
- Это чистая случайность!

Когда мне надо, я великолепно умею не замечать своего брата.

- Прежде всего, Клецка, что такое шабти?
- А если я скажу, ты меня выпустишь?
- И не подумаю. А отвечать ты все равно будешь, – тоном хозяйки заявила я.

Клецка шумно вздохнул.

- Шабти означает «ответчик». Даже глупейшие из рабов это знают.

Картер прищелкнул пальцами.

– Вспомнил! Египтяне делали такие фигурки из воска или глины. Это слуги для загробной жизни. Когда умершему хозяину было нужно, они просыпались и выполняли его повеления. А он мог оттягиваться по полной. Шабти сделают все, что он прикажет. И так – целую вечность.

– Вот они, типичные рассуждения людей! – заверещал Клецка. – Бездельничать, заставляя работать нас. Дела в загробной жизни – только часть обязанностей шабти. Мы выполняли множество повелений хозяев и в этой жизни. Без нас маги тыкались бы, как слепые котята. Если ты столько знаешь, зачем спрашиваешь у меня?

- Здесь вопросы задаем мы, – напомнила я. – Зачем отец отрезал тебе ноги?

– Потому что вы, люди, боитесь нас. Боитесь восковых фигурок. Ваш рослый папочка оттяпал мне ноги, чтобы я не убежал и не воплотился в другом теле. Он боялся, что тогда я попытаюсь его убить. Маги – жестокие существа. Они калечат фигурки, чтобы управлять нами. Но они нас боятся!

- И ты бы попытался убить нашего отца, если бы он сделал тебя с ногами?

– Возможно, – признался Клецка. – Кому нравится быть слугой? Теперь ты отвяжешься от меня?

– И не подумаю, – сказала я. – Ты не ответил на главный вопрос. Что случилось с нашим отцом?

Клецка пожал плечами.

- Откуда я знаю? Вижу только, что в шкатулке недостает его жезла и посоха.

– Посох – это палка, превратившаяся в змею? – спросил Картер. – Он сгорел. А жезл... это штука вроде бумеранга?

– Штука вроде бумеранга! – передразнил его Клецка. – Клянусь вечными богами Египта, до чего же ты глуп! Да, это и есть жезл.

- Жезл разнесло в щепки, – сказала я.

- Как это случилось? Расскажите, – потребовал Клецка.

Картер рассказал ему всю историю. Не знаю, надо ли было это делать. Но восковая фигурка высотой в десять сантиметров едва ли представляла для нас угрозу.

- Так это замечательно! – воскликнул Клецка.

- Значит, наш отец еще жив? – спросила я.

– Нет! – ответил радостно Клецка. – Он почти наверняка мертв. Пять богов в Дни демонов получили свободу? Великолепно! И всякий, кто вступит в поединок с Красным властелином...

- Подожди! – одернула я его. – Я тебе велела рассказать о случившемся.

– Ха-ха! Я должен рассказывать только то, что знаю. Делать обоснованные предположения – это совсем другое задание. Объявляю свою миссию выполненной!

И он превратился в комок безжизненного воска.

Я взяла Клецку в руки и несколько раз встряхнула.

- Выкладывай мне свои обоснованные предположения!

Клецка молчал.

– Может, у него что-то вроде таймера? – сказал Картер. – Рассчитан на одно задание в день. А может, ты что-то сломала.

– Картер, ты способен посоветовать что-нибудь дельное? Что нам теперь делать?

Он обвел глазами четыре статуи на пьедесталах.

– А может...

– Поискать другого шабти?

– Стоит попробовать.

Если статуи и были ответчиками, то они никуда не годились. Мы брали их в руки, хотя это вам не восковая фигурка. Мы тыкали в них пальцами, выкрикивали приказы, просили по-хорошему. И никаких ответов.

Я настолько разозлилась, что уже была готова применить заклинание «ха-ди» и разбить этих керамических упрямец на миллион кусков. Но я устала и проголодалась. Еще одно заклинание, и я, чего доброго, рухну замертво.

Наконец мы решили проверить норки в стенах. Увидев пластмассовые цилиндры, я сразу вспомнила банк, где клиентов обслуживают прямо в машине. Там такие цилиндры выпрыгивали из пневмотрубок. Только в здешних лежали не деньги, а папирусные свитки. Некоторые были совсем новенькими, другие казались древними. На каждом цилиндре были нарисованы иероглифы и (что весьма кстати) добавлены надписи по-английски.

– «Книга Небесной коровы», – вслух читал Картер. – Ну и название! А это что? «Небесный барсук». Зачем это нам?

– Не знаю. А вот еще названьице: «Книга об убийстве Апофиса».

Из угла донеслось громкое мяуканье Маффин. Я повернула голову. Моя киса стояла с горящими глазами и высоко поднятым хвостом.

– Что это с ней? – удивилась я.

– Твое животное, тебе лучше знать, – отмахнулся Картер.

– Может, она где-то слышала про Апофиса?

– Сомневаюсь, – покачал головой Картер. – Вообще-то это такой здоровенный змей. С ним у древних египтян была связана куча разных бедствий.

Маффин понеслась по лестнице обратно в Большой зал. Кошки – существа непредсказуемые.

Картер достал еще один контейнер.

– Сейди, взгляни-ка сюда.

Он вынул длинный свиток. Чувствовалось, очень древний. По папирусу тянулись ровные ряды иероглифов.

– Можешь это прочесть? – спросил Картер.

Дурацкий вопрос. Я прищурилась. Конечно, я не могла ничего прочесть... поняла, пожалуй, только самую верхнюю надпись.

– Только это. Наверное, название... «Кровь Великого дома». Тебе это что-нибудь говорит?

– Великий дом, – повторил Картер. – Как эти слова звучат на древнеегипетском?

– Пер-ро. Похоже на слово «фараон». Точно? Но я думала, что фараон – это правитель. Что-то вроде короля.

– Так оно и есть. Буквально это слово означало «великий дом». Что-то вроде королевского дворца. Но смысл тут... переносный. Примерно, как говорят «Белый дом», имея в виду президента. Возможно, название должно звучать несколько по-другому. «Кровь фараонов». Это значит, тут перечислены все династии, а не только кто-то один.

– Слушай, какое мне дело до крови фараонов? – не выдержала я. – Интереснее другое: если я прочитала название, почему не могу прочитать все остальное?

Картер вглядывался в иероглифы. Неожиданно он выпучил глаза и хлопнул себя по лбу.

– Это же имена! Смотри, они все написаны внутри картушей.

Последнее слово показалось мне довольно неприличным, и я даже обрадовалась, что не знаю его значения.

– Да это рамки такие, – объяснил Картер. – Они символизируют магические веревки. Считалось, что веревки защищают носителя имени от злой магии. А еще – от других магов, которые могут прочитать их имена, – добавил он, выразительно поглядев на меня.

– Восхищаюсь твоими знаниями! – признала я.

Я тоже пригляделась к иероглифам и поняла, о чем говорил брат. Но смысл знаков, заключенных в картуши, был мне непонятен.



– Посмотри сюда, – попросил Картер.

Он указал на картуш в самом конце списка, который был как будто перечнем множества других. Голос у брата был напряженный, как будто от расшифровки этих иероглифов зависела наша жизнь.

Внутри круга были два простых символа: корзина и волна.

– Это знак «кн», – сказал брат. – Отец мне показывал. Так записывается наша фамилия – Кейн.



– А где недостающие буквы? – спросила я.

– У египтян было не принято обозначать гласные. Только согласные. А о гласных в слове узнавали по содержанию.

Тоже мне, великая цивилизация! – фыркнула я. – Тут могут быть совершенно разные слова. Например, «кон», «икона» или «окно».

– Не стану спорить. Но это точно наша фамилия. Я однажды попросил отца написать ее иероглифами, и она выглядела именно так. Сейчас важнее другое. Почему вдруг мы оказались в этом списке? И что такое «кровь фараонов»?

Мне в затылок опять впились десятки ледяных иголок. Я вспомнила слова Амоса о древности обеих ветвей нашей семьи. Мы с Картером переглянулись, и я поняла, что он сейчас думает о том же самом.

– Не знаю, – наконец сказала я.

– Может, просто шутка, – поддержал меня Картер. – Ну кто будет вести семейные летописи тысячи лет подряд?

У меня во рту вдруг пересохло. За одни сутки произошло столько странных вещей, но до этого момента они оставались всего лишь странными вещами. И только сейчас, увидев нашу фамилию на папирусном свитке, я начала верить в реальность всей этой египетской чертовщины. В богов, магов, чудовищ... и в причастность нашей семьи.

С самого завтрака, когда меня пронзила мысль, что отец пытался вернуть маму из мира мертвых, эта мысль не давала мне покоя. Она меня не ужасала. Конечно, затея была безумная; куда безумнее «поминального шкафа» у деда и бабушки. Я уже говорила, что стараюсь не жить прошлым. Мамы больше нет, и здесь уже ничего не изменишь. Но я соврала. По правде говоря, я с шести лет мечтала снова увидеть маму. Посмотреть на нее, поговорить с ней, пройти по магазинам. Главное – находиться рядом с ней, чтобы получше запомнить. Я питала надежду. Я знала, на какую боль обрекаю себя. Но если бы действительно существовал способ вернуть маму в жизнь, я бы, не задумываясь, взорвала сколько угодно Розеттских камней.

– Давай посмотрим еще, – предложила я Картеру.

Через несколько минут я нашла картинку с изображением пяти богов, каждого с головой зверя или птицы. Над ними была нарисована женщина, раскинувшая руки. Похоже, она старалась их защитить. Не их ли освободил наш отец?

Я позвала Картера. Он взглянул на картинку, и у него заблестели глаза.

– Они! – закричал он. – Это они, а наверху – их мать Нут.

Я засмеялась.

– Богиня по имени Нут? Вот уж не думала, что боги могут сходить с ума<sup>14</sup>.

– Можешь смеяться, – разрешил мне Картер. – Но это действительно богиня неба.

Он махнул рукой на потолок. И в самом деле: женщина, усыпанная звездами, была копией той, что простерла руки над пятеркой богов.

– И что ты знаешь про нее? – спросила я.

Картер сдвинул брови.

– Отец когда-то мне рассказывал про Дни демонов, но я почти ничего не помню. Все это касалось рождения пятерых богов.

Он взгляделся в иероглифы.

– Если не ошибаюсь, свиток написан иератическим письмом. Это что-то вроде иероглифической скорописи. Сможешь прочитать?

Я покачала головой. Такой фокус мне удавался лишь с обычными иероглифами.

– Жаль, тут нет подписи на английском, – посетовал Картер.

---

<sup>14</sup> Здесь непереводаемая игра слов. Написание имени богини (Nut) совпадает с английским словом nut, что значит «сумасшедший», «чокнутый».

Позади нас раздался треск. Статуя, руки которой были пусты, вдруг спрыгнула с пьедестала и двинулась к нам. Мы расступились, но глиняный человек прошел мимо нас, достал из норки цилиндр и подал Картеру.

– Поисковый шабти, – сказала я. – Глиняный библиотекарь.

Ошеломленный Картер взял цилиндр.

– Э... Спасибо.

Глиняный человек вернулся на пьедестал и снова застыл.

– Еще одна просьба, – обратилась я к нему. – Сэндвич и немного чипсов, пожалуйста.

Как ни печально, но ни одна из четырех статуй не бросилась исполнять мое повеление.

Наверное, есть в библиотеке запрещалось.

Картер открыл цилиндр, достал папирус.

– Действительно, здесь все по-английски.

Его глаза бегали по строчкам, а лицо становилось все мрачнее.

– Что-то не вижу твоей радости, – съехидничала я.

– Радоваться нечему. Теперь я вспомнил эту историю. Пятеро богов... если наш отец их освободил, ничего хорошего это не предвещает.

– А нельзя ли с самого начала и по порядку?

Картер шумно глотнул воздух.

– Ладно. Слушай. Богиня неба Нут была замужем за богом земли Гебом.

– Это вот тот, на полу? – спросила я, указывая на большого зеленого человека с лесами, холмами и рекой.

– Он самый. Так вот, Геб и Нут захотели детей, но бог солнца Ра – он был главный среди богов – услышал дурное предсказание. Когда у Геба и Нут родится сын, он сместит Ра и станет главным. Узнав, что Нут беременна, Ра изрядно струсил. Он запретил Нут рожать во всякое время суток и во всякий день года.

Я не очень смыслю в таких вещах, но, представив себе вечно беременную богиню, невольно поежилась.

– Слушай, она же не могла быть постоянно беременной. Ну и жестокий этот Ра!

– Нут оказалась хитрее. Она нашла способ. Она затеяла игру в кости с богом луны Хонсом. Всякий раз, когда Хонс проигрывал, он должен был отдавать Нут частичку лунного света. А проигрывал он почти все время. У Нут скопилось достаточно лунного света, из которого она сплела пять новых дней и прибавила их к концу года.

– Картер, как можно играть на лунный свет? Но даже если и можно, разве из него сплетешь дни?

– Это же миф, – поморщился Картер, будто говорил с маленькой девчонкой. – И потом, в египетском календаре было триста шестьдесят дней. Год они представляли в виде круга. Число дней соответствовало числу градусов. Нут добавила в конец года еще пять дней, которые не являлись днями традиционного года.

– Дни демонов, – догадалась я. – В общем, миф объясняет, откуда в году стало триста шестьдесят пять дней. И я думаю, за пять дней Нут успела родить.

– Пятерых детей. По одному ребенку в день.

– Слушай, как можно рожать по ребенку в день?

– Она же богиня. У богов такие штучки проходят.

– Пусть так. А что было потом?

– Когда Ра узнал, он жутко разозлился, но уже ничего изменить не смог. Дети родились.

Первым родился Осирис.

– Помню. За ним наш отец и охотился.

– Потом Гор, Сет, Изиды и... – Картер заглянул в свиток. – Нефтида. Всегда забываю ее имя.

– Огненный человек в музее сказал: «Ты освободил всех пятерых».

– Да. Может, отец не знал, что их пленили всех вместе? Наверное, это у них с рождения. Вместе родились, вместе попали в плен и вместе вырвались на свободу. Только характеры у всех разные. Сет, например, – дрянной тип. Злодей египетской мифологии. У него и профессия такая: бог зла, хаоса и пустынных бурь.

Я вздрогнула.

– А он имеет какое-нибудь отношение к огню?

Картер ткнул пальцем в изображение бога со звериной головой. Чья у него голова? Собаки? Муравьеда? Шизованного кролика? Его волосы и одежда были ярко-красного цвета.

– Красный властелин, – выдохнула я.

– Это еще не все. Дни демонов всегда были тяжелым временем для Древнего Египта. Нужно было вести себя с предельной осторожностью, надевать защитные амулеты и не предпринимать ничего важного или опасного. И в Британском музее отец сказал Сету: «Тебя успеют вовремя остановить».

– Вряд ли отец говорил о нас, – сказала я. – Ну как мы остановим этого злодея Сета?

Картер кивнул.

– Если пять последних дней нашего календаря совпадают с Днями демонов, они начнутся двадцать седьмого декабря. Послезавтра.

Мне показалось, что шабти выжидающе смотрит на меня, но я совершенно не представляла, что делать. Дни демонов, злобные боги, богиня со странным именем Нут. От всего этого моя голова, казалось, вот-вот взорвется.

Но мало того. Где-то в области затылка чей-то тоненький голосок твердил: «Все возможно. Чтобы спасти отца, мы должны победить Сета».

Можно подумать, что это список дел, намеченных на рождественские каникулы. Увидеться с отцом – выполнено. Развить в себе странные силы – выполнено. Победить бога зла и хаоса – выполнено. Тут впору свихнуться!

Вдруг из большого зала донесся громкий треск, как будто там что-то сломалось. Следом послышалось тревожное тьяканье Хуфу.

Мы с Картером переглянулись и бросились к лестнице.

## 8. Маффин играет с кинжалами

*Сейди*

Наш павиан превратился в богиню неба. То есть сошел с ума<sup>15</sup>.

Он раскачивался на колоннах, прыгал по балконам, опрокидывал статуи и прочие древности. Потом его понесло к окнам, выходящим на террасу. Задержавшись там на мгновение, Хуфу продолжил свои безумства.

Маффин тоже торчала у окна. Она припала на брюхо и покачивала хвостом, будто выслеживала птичку.

– Может, на террасу случайно залетел фламинго? – предположила я и, как дура, уцепилась за эту мысль.

Хорошо, если Картер меня не слышал, а он, скорее всего, не слышал из-за рева павиана.

Мы подбежали к стеклянным дверям. На террасе было тихо, и я уже была готова поверить, что Хуфу взбесился. И вдруг из бассейна выплеснулся столб воды. Два огромных существа атаковали Филиппа Македонского.

Я совершенно не понимала, кто они и откуда взялись. Ясно было только то, что Филипп вынужден сражаться в одиночку против двоих. Чудовища скрылись в бурлящей воде. Хуфу снова завопил, колотя себя по голове пустой коробкой из-под «Чирио». Как же, это очень помогает в чрезвычайных ситуациях!

– Длинношеии, – неуверенно сказал Картер. – Сейди, ты видела, как они выглядят?

Когда я успела? Но тут одна тварь вылезла из бассейна и ткнулась прямо в стеклянные двери. Я отскочила (хорошо, что без воплей). Таких жутких существ я еще не видела. Туловище у него было как у леопарда: поджарое, жилистое с золотистыми пятнами меха, а вот дальше... Из туловища торчала длинная шея, уже без всякого меха, покрытая зеленой чешуей. Шея оканчивалась кошачьей мордой, но не такой, как у нормальных котов или леопардов. На нас глядели сверкающие красные глаза. Из раскрытой пасти высовывался раздвоенный змеиный язык, а с клыков капал зеленый яд.

У меня подкосились ноги. Хуже того, я хлюпнула носом. Совсем как ребенок, самой противно.

Змеекот (так я назвала эту тварь) прыгнул обратно в бассейн, чтобы помочь сородичу расправиться с Филиппом. Крокодил вертелся волчком, щелкал зубами, но нападавших это не пугало.

– Мы должны помочь Филиппу! – завопила я. – Его прикончат!

Я схватилась за дверную ручку, но тут Маффин угрожающе зарычала.

– Сейди, не вздумай открыть дверь! – крикнул Картер. – Помнишь, что говорил Амос? Ни при каких обстоятельствах не открывать двери. У дома есть магическая защита. Филиппу придется воевать одному.

– А если он не сможет? Филипп! – снова заорала я.

Старый крокодил услышал. На мгновение его розовые крокодильи глаза остановились на мне, будто он уловил мою тревогу. Потом змеекоты впились ему в подбрюшье. Филипп почти целиком выскочил из воды. Его тело вдруг начало светиться. Послышалось низкое гудение, как от работающего самолетного двигателя. Еще через секунду Филипп всей тяжестью своего тела упал на террасу.

Дом содрогнулся. Бетонный пол террасы покрылся трещинами. Бассейн раскололся, и его дальняя часть обрушилась вниз.

---

<sup>15</sup> Здесь, как и в предыдущей главе, шутка строится на схожести имени богини (Nut) с английским словом «nut» (сумасшедший, чокнутый).

– Нет! – закричала я.

Но что толку от моих воплей? Кусок террасы откололся, увлекая Филиппа и змеекотов в Ист-ривер.

Меня затрясло.

– Он пожертвовал собой. Он убил этих тварей.

– А если не убил? – слабым голосом спросил Картер. – Вдруг они вернуться?

– Не говори так!

– Я... я их узнал... этих тварей. Идем!

– Куда? – не поняла я, но Картер уже тащил меня в библиотеку.

Картер подошел к статуе шабти – того, что помог нам со свитком.

– Принеси мне... черт, как же называется эта штука?

– Какая? – спросила я.

– Отец мне показывал. Большая каменная плита. Там изображен первый фараон. Он объединил Верхний и Нижний Египет в одно государство. Его звали...

Глаза Картера сверкнули.

– Нармер!<sup>16</sup> Принеси мне «плиту Нармера»!

Шабти не шелохнулся.

– Нет, я не так назвал. Не плита. Это такая штука... на ней еще смешивают краски. Палитра? Похожее слово, но другое... А, вспомнил! Палетка. Принеси мне «палетку Нармера»!

Шабти, помогавший нам со свитком, остался неподвижным. Зато приказ Картера оживил статую с крючковатым посохом. Тот шабти спрыгнул с пьедестала и исчез в облаке пыли. Буквально через секунду он появился снова. У его ног лежала клиновидная каменная плита, похожая на щит, по длине примерно равная моей руке.

– Я же говорил про картинку! – хлопнул себя по лбу Картер. – А он спер настоящую палетку! Утащил из Каирского музея. Придется возвращать.

– Если уж она здесь, давай посмотрим.

Основную часть каменного щита занимала фигура человека, держащего в руке предмет, похожий на ложку. Судя по всему, этим предметом он собирался ударить другого человека, стоявшего на коленях.

---

<sup>16</sup> Фараон, объединивший в конце XXXI в. до н. э. Верхний и Нижний Египет. «Палетка Нармера» была обнаружена в 1898 г. при раскопках в районе Иеранконполиса. Представляет собой каменную плиту в форме щита, украшенную росписью. Обычно такие палетки применялись для растирания благовоний, однако размеры этой палетки позволяют предполагать, что ее использовали для ритуальных целей.



– Наверное, этот, с ложкой, и есть Нармер, – догадалась я. – Он расправляется с каким-то приближенным, слопавшим его завтрак. И неужели такую ерунду нужно было вырезать на камне?

Картер покачал головой.

– Это упрощенное суждение. Не забывай: Нармер победил своих врагов и объединил оба Египта. Видишь странную шапку у него на голове? Это корона Нижнего Египта, она существовала, пока Нижний Египет был самостоятельным государством.

– А сходство с кеглей – случайное?

– Это уже даже не упрощенное, а примитивное суждение! – поморщился Картер.

– Правда, Нармер чем-то похож на нашего отца?

– Сейди, хватит паясничать!

– Я говорю серьезно. Посмотри на его профиль.

Картер решил меня не замечать. Он внимательно разглядывал камень, боясь прикоснуться к серой поверхности руками.

– Мне нужно посмотреть обратную сторону, но я боюсь его переворачивать. Он такой хрупкий, как бы не повредить.

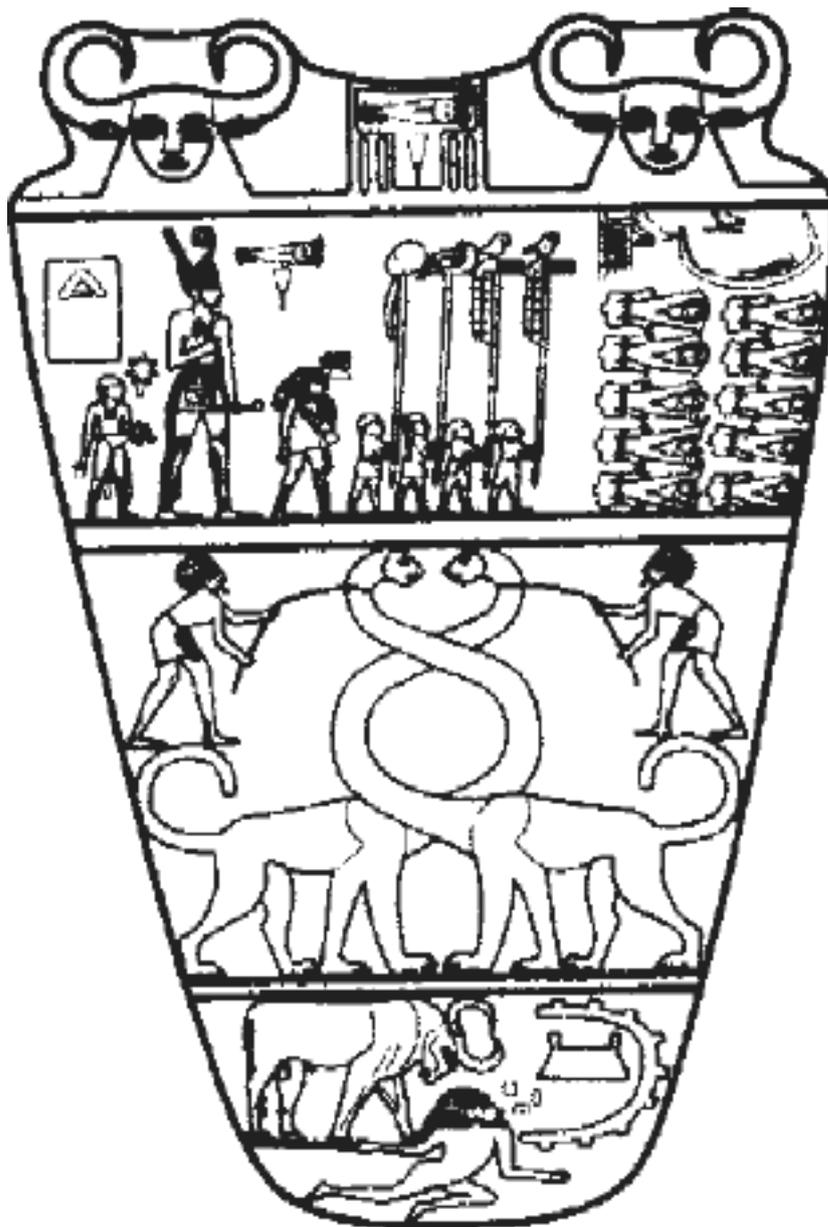
Я схватила камень и легко перевернула на другую сторону.

– Ты могла его сломать!

– Это вместо благодарности? А «ремонтные» заклинания у нас на что?

Мы стали рассматривать рисунки. Все-таки надо отдать должное: память у Картера отменная. В центре я увидела изображения двоих змеекотов с переплетенными шеями. К их шеям были привязаны веревки, и двое египтян (они будто стояли на загнутых хвостах чудовищ) пытались как-то сдерживать этих тварей.

– Они называются серпопарды, – сказал Картер. – То есть змеелеопарды.



– Потрясающе, – выдохнула я. – Но откуда они взялись, эти серпопарды?

– На этот счет есть лишь предположение. Отец считал, что они – порождения хаоса и находились там всегда. Этот камень – один из древнейших египетских памятников. Представляешь, картинки на нем вырезали пять тысяч лет назад.

– Но почему эти твари, которым по пять тысяч лет, напали на наш дом?

– Ночью, в Финиксе, огненный человек приказал своим слугам захватить нас. Первыми он намеревался послать длинношеих.

Рот у меня наполнился чем-то металлическим, будто я съела ложку. Жаль, что я прикончила всю жвачку.

– Одно радует: теперь эти серпопарды валяются на дне Ист-ривер, – выговорила я.

В библиотеку вбежал Хуфу. Он орал как резаный и хлопал себя по голове.

– Наверное, мне не стоило это говорить.

Картер приказал шабти вернуть «палетку Нармера» на место. Шабти и каменная плита исчезли, а мы поспешили вслед за павианом.

Рано я обрадовалась. Серпопарды вернулись. Их мех блестел от воды, а сами они вовсе не выглядели счастливыми после такой процедуры. Они вскарабкались на развороченную террасу и стали обнюхивать двери, пытаясь найти способ проникнуть внутрь. На стекле пузырились струйки кипящего яда, которым брызгались эти твари. Они без конца высовывали и втягивали обратно свои раздвоенные языки.

– Агх, агх! – верещал Хуфу.

Он вдруг подскочил к дивану, схватил Маффин и притащил мне.

– Вряд ли она нам поможет, – попыталась я объяснить павиану.

– Агх! – не успокаивался Хуфу.

Может, он слышал, что я проголодалась, и предлагал мне закусить... кошкой? Впрочем, ни Маффин, ни «кошка» не оканчивались на «о». Я взяла свою ошалевшую кису, чтобы только Хуфу замолчал.

– Мяу? – спросила Маффин, глядя на меня.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – сказала я, успокаивая не столько ее, сколько себя. – Дом защищен магией.

– Гляди, Сейди! Они что-то нашли! – крикнул Картер.

Шеи серпопардов болтались возле левой двери: твари обнюхивали внешнюю ручку.

– Неужели дверь не заперта? – спросила я.

Оба чудовища ударили своими гнусными мордами по стеклу. Дверь дрогнула. По всему косяку вспыхнули голубые иероглифы, но свет у них был совсем тусклый.

– Не нравится мне все это, – пробормотал Картер.

Я молила древних богов, чтобы чудовища оставили свою затею. Или чтобы Филипп Македонский вдруг вылез на террасу и возобновил сражение (еще вопрос, умеют ли крокодилы взбираться по стенам).

Серпопарды вновь ударили головами по стеклу, отчего по нему расплзлась паутина трещин. Голубые иероглифы вспыхнули и погасли.

– Агх! – завопил Хуфу и дрожащей лапой снова указал на кошку.

– Может, попробовать против них заклинание «хади»? – предложила я.

Картер покачал головой.

– Вспомни, сколько сил ты ухлопала на двери. Я не хочу, чтобы ты грохнулась в обморок.

Я уже хотела спросить, что он сам собирается делать, но тут брат вновь меня удивил. Он подошел к стене с оружием и схватил кривой меч. Я вообще не понимала, какая польза от кривых мечей, а уж сражаться таким оружием против серпопардов...

– Это несерьезно, – сказала я.

– Придумай что-нибудь получше, – стуча зубами, ответил он. Его лицо блестело от капелек пота. – Их двое, нас трое. Твоя кошка не в счет.

Понимаю, Картер храбрился, но чувствовалось, он напуган сильнее меня. Вот кто мог грохнуться в обморок со страху.

После третьего удара дверь разлетелась. Воздушной волной нас откинуло к ногам статуи Тота. Твари прорвались внутрь. Хуфу бросил в них баскетбольным мячом. Мяч отскочил от головы одного серпопарда, но тот ничего даже не заметил. Тогда павиан сам кинулся на чудовищ.

– Хуфу, остановись! – крикнул Картер.

Но павиан уже вонзил свои острые зубы в шею серпопарда. Тот мотнул головой, пытается укунуть Хуфу. Павиан проворно отскочил, однако серпопард оказался проворнее. Его голова, словно бейсбольная бита, настигла Хуфу в воздухе. Любитель еды, оканчивающейся на «о», вылетел через разбитую дверь на террасу и сгинул.

Я была готова зареветь, но на это не оставалось времени. Серпопарды двигались на нас. Игра приближалась к концу. Картер поднял меч. Я протянула руку к первому чудовищу и попыталась произнести заклинание «хади», но у меня перехватило горло.

– Мяу! – во весь голос мякнула Маффин.

Ну почему эта, в общем-то, пугливая киса сидела у меня на руках, не пытаюсь бежать от страшилищ?

Потом я вспомнила слова Амоса: «Маффин вас защитит». Может, Хуфу и пытался мне это сказать? Какой бы душой я сейчас ни была, но я произнесла заплетающимся языком:

– М-Маффин, я п-приказываю тебе нас з-защитить.

Я спустила кошку на пол. Серебряный кулон на ее ошейнике ярко вспыхнул. Затем киса лениво выгнула спину, села и принялась облизывать переднюю лапу. А чего еще от нее ждать? Кошачьего героизма?

Серпопарды оскалили пасти. Они подняли головы и приготовились к атаке. И тут по залу вдруг пронесся вихрь жаркого воздуха. Он был настолько сильным, что мы с Картером упали на пол. Серпопарды нехотя попятились назад.

Я поднялась. Маффин исчезла. Ничего удивительного; волна горячего воздуха могла унести ее и швырнуть в Ист-ривер. Но на ее месте стояла женщина: невысокая, худенькая, гибкая, как гимнастка. Ее черные волосы были увязаны в пучок. На ней был облегающий спортивный костюм цвета леопардовой шкуры, а шею украшал... кулон Маффин!

Женщина повернулась ко мне и улыбнулась. Ее глаза были совсем как у Маффин: желтыми, с черными кошачьими зрачками.

– Все-таки догадалась, – с некоторым упреком сказала она.

Серпопарды оправились от удара и вновь двинулись на незнакомку. Они с молниеносной быстротой взмахнули головами. Я замерла, ожидая, что сейчас увижу бездыханное тело женщины-кошки. Но она успела прыгнуть, трижды перевернуться в воздухе и встать на каминную полку.

Там женщина-кошка встряхнула руками, и из рукавов у нее появились длинные кинжалы.

– Сейчас позабавлюсь!

Чудовища кинулись к ней, но она с умопомрачительным изяществом двигалась между ними, уворачиваясь от их выпадов. Серпопарды не заметили, как переплелись шеями. Каждая их попытка расправиться с женщиной-кошкой вела к тому, что узел их шей стягивался все сильнее. Серпопарды толкались взад-вперед, круша мебель и завывая от досады.

– Бедняжки, – промурлыкала женщина-кошка. – Придется вам помочь.

Она взмахнула кинжалами, и обе головы скатились к ее ногам. Тела обмякли и вдруг превратились в две песчаные горки.

– Ну вот, развлечение кончилось, – вздохнула женщина-кошка. – Из песка они вышли, в песок и вернулись.

Она засунула кинжалы обратно в рукава и повернулась к нам.

– Картер, Сейди, нам нужно уходить отсюда. Худшее еще впереди.

Картер даже поперхнулся.

– Худшее? Кто? Или что?

– Все в свое время.

Женщина-кошка с наслаждением потянулась всем телом.

– Как приятно снова оказаться в человеческом теле! Сейди, будь добра, открой нам проход через Дуат.

Вот те на! Я растерянно заморгала.

– Я... это... не умею.

Женщина сощурилась. Мой ответ ее разочаровал.

– Очень плохо. Тогда нам понадобится больше силы. Обелиск.

– Но ведь он в Лондоне, – возразила я.

– Есть и поближе, в Центральном парке. Я стараюсь избегать Манхэттена, но бывают чрезвычайные ситуации. Мы отправимся туда и откроем портал.

– Портал куда? – спросила я. – И кто ты такая? Как теперь нам тебя называть?

Женщина улыбнулась.

– Портал, который уведет нас подальше от опасности. А что касается моего имени, знала бы ты, как я устала откликаться на Маффин! Меня зовут...

– Баст, – перебил ее Картер. – Твой амулет – символ Баст, богини кошек. Я думал, это просто... кошачий медальон. А оказалось...

– Отлично, Картер, – похвалила его Баст. – А теперь – вон отсюда, пока у нас еще есть шанс выбраться живыми.

## 9. Мы убегаем от четырех парней в юбках

*Картер*

Вот так. Маффин у нас, оказывается, богиня.

Кто это говорил: «Нет ничего нового под солнцем»? Сейчас не вспомнить.

Все наши расспросы Баст решительно отменяла. Мне она велела сбежать в библиотеку за отцовским рюкзаком. Когда я вернулся, Сейди спорила с ней насчет Хуфу и Филиппа.

– Мы должны их найти! – требовала Сейди.

– С ними все будет в порядке, – успокаивала ее Баст. – А вот с нами – едва ли, если мы сейчас же не уйдем отсюда.

– Прошу прощения, госпожа богиня, – вмешался я. – Амос уверял нас, что дом...

– Надежно защищен? – по-кошачьи фыркнула она. – Картер, любую защиту можно ослабить. Кто-то постарался.

– То есть как? Кто?

– Такое под силу только кому-то из магов Дома.

– Значит, кто-то из магов Дома жизни решил навредить Амосу? Но зачем?

– Ах, Картер, – вздохнула Баст. – Какой же ты еще маленький и наивный. Маги – существа злобные и отвратительные. Есть миллион причин, почему один маг захочет подставить ножку другому. Только времени обсуждать это у нас нет. Идемте!

Она схватила нас за руки и потащила к входной двери. Кинжалы Баст спрятала, но ее ногти оставались похожими на кошачьи когти. Они больно впивались мне в кожу. Едва мы вышли за порог, мне в глаза ударил обжигающе холодный ветер. Мы спустились по узкой лестнице и оказались на фабричном дворе.

Тяжелый отцовский рюкзак оттягивал плечо. Кривой меч, который я прицепил к спине, охлаждал лопатки. Мы не успели взять никакой теплой одежды. Пытаясь сражаться с серпопардами, я здорово вспотел, и теперь капельки пота грозили превратиться в льдинки.

Я огляделся – нет ли поблизости еще каких-нибудь чудовищ. Пусто. Только груды ржавого металла, ржавый бульдозер, опрокинутый кран с чугунной шар-бабой и пара застывших бетономешалок. До ближайшей улицы было несколько сот ярдов, но их еще требовалось преодолеть, перебираясь через железяки и ломаные ящики.

Мы преодолели половину пути, когда откуда-то выскочил старый серый кот. Одно его ухо было надорвано. Левый глаз распух и заплыл. Судя по шрамам, жизнь его протекала в сплошных битвах.

Баст нагнулась к коту. Тот смотрел на нее без малейших признаков испуга.

– Спасибо, – сказала ему Баст.

Кот молча повернулся и неспешно двинулся к реке.

– Кто это был? – спросила Сейди.

– Один из моих подданных. Предлагал помощь. Он разнесет весть о том, что у нас проблемы. Скоро все коты и кошки Нью-Йорка будут предупреждены.

– Бедный котик. Весь израненный, – сказала Сейди. – Если он твой подданный, разве ты не смогла бы его вылечить?

– И лишить боевых знаков отличия? Шрамы – предмет гордости этого кота. Я бы не посмела.

Неожиданно Баст напряглась всем телом и потащила нас за груды ящиков.

– Что случилось? – шепотом спросил я.

Она тряхнула кистями рук, и из рукавов опять появились кинжалы. Потом Баст приподнялась на цыпочки и осторожно высунула голову над ящиками. Каждый мускул у нее

дрожал от напряжения. Я глянул в щели, но ничего не увидел, если не считать опрокинутого крана и ржавой цепи с шар-бабой.

От волнения губы Баст изогнулись. Она не сводила глаз с чугунного шара. Такой взгляд я видел у котят, когда они подкрадывались к игрушечной мышке, мотку веревки или резинового мячику. Но древняя богиня явно не стала бы волноваться по пустякам.

– Замрите, – велела она нам.

– Но ведь во дворе никого нет, – запротестовала Сейди.

Баст перепрыгнула через ящики. Сверкая кинжалами, она пролетела футов тридцать по воздуху и с такой силой опустилась на чугунный шар, что сломала ржавую цепь. Богиня кошек и тяжелый шар упали в грязь и покатались по двору.

В какой-то момент шар едва ее не задел, но Баст с мяуканьем отпрыгнула в сторону и тут же ринулась в новую атаку. Ее кинжалы полосовали чугун, как сырую глину. За считанные секунды чугунный шар превратился в гору опилок.

– Можете выходить, – сказала Баст, убирая кинжалы.

Мы с Сейди переглянулись.

– Ты спасла нас от чугунного шара, – усмехнулась Сейди.

– Вещи не всегда таковы, какими видятся. Наше счастье, что это был только чугунный шар.

У нас за спиной гроыхнуло. Я обернулся. Из верхних окон особняка выбивались языки голубого пламени.

– Вперед, – сказала Баст. – Время поджигает!

Я думал, что богиня кошек переместит нас к обелиску с помощью магии или, на худой конец, возьмет такси. Вместо этого Баст остановилась возле серебристого «лексуса» с откидным верхом.

– Да, этот мне нравится, – промурлыкала она. – Залезайте, ребята.

– Но ведь это не твой автомобиль, – возразил я.

– Дорогой мой, я же кошка. Все, что я вижу, – мое.

Ключа зажигания не было. Тогда Баст дотронулась до замка зажигания, и оттуда посыпались искры. Мотор замурлыкал. [Нет, Сейди. Не как кот, а как нормальный автомобильный мотор.]

– Баст, но нельзя же так...

Сейди въехала мне локтем под ребра.

– Потом подумаем, как вернуть машину. Картер, пора бы понять: ситуация чрезвычайная.

Она кивнула в сторону особняка. Теперь клубы дыма и голубое пламя вырывались из каждого окна. Но страшнее пожара было другое. Из дома вышли четыре человека, которые вынесли ящик, похожий на большущий гроб. По обеим сторонам к нему были приделаны длинные ручки. В ящике, покрытом черной тканью, свободно поместились бы два тела. На носильщиках были лишь юбочки и сандалии. Их кожа медного цвета блестела на солнце, из-за чего они были похожи на металлических роботов.

– Дождались, – проворчала Баст. – А ну, быстро в машину!

Я решил больше не задавать вопросов. Сейди, конечно же, юркнула на переднее сиденье, поэтому я сел сзади. Четверо «металлических» ребят с ящиком на полной скорости устремились к нам. Я еще не успел защелкнуть ремень безопасности, как Баст рванула с места.

Мы понеслись по бруклинским улицам, лавируя среди других машин. Перелетали перекрестки на красный свет, иногда ехали прямо по тротуарам и только чудом никого не сшибли.

Баст вела машину, подчиняясь... кошачьему инстинкту. Любой человек, попытавшийся ехать с такой скоростью, уже десять раз попал бы в аварию. Но богиня кошек благополучно вывернула на Уильямсбургский мост.

Я был уверен, что теперь-то мы насовсем оторвались от наших преследователей. Увы! Стоило мне оглянуться назад, как я увидел этих меднокожих молодцов,двигающихся в потоке машин. Казалось, они бежали с обычной скоростью бегунов трусцой, но при этом легко обгоняли машины. Тела наших преследователей скрывала странная дымка. Наверное, иначе и быть не могло – ведь они явились сюда из иного времени.

– Кто они такие? Шабти? – все-таки не выдержал и спросил я.

– Нет. Носильщики, – ответила Баст, поглядывая в зеркало заднего обзора. – Их вызвали сюда прямо из Дуата. Эти не останутся ни перед чем, чтобы найти своих жертв и затолкать в паланкин.

– Куда? – не поняла Сейди.

– Такой большой ящик, укрепленный на носилках. Поймав жертву, носильщики избивают ее до бесчувствия, бросают в паланкин и несут своему хозяину. Они никогда не теряют добычу из виду и никогда не прекращают погоню.

– Но что им понадобилось от нас?

– Можете мне верить, вам этого лучше не знать, – угрюмо ответила Баст.

Мне вспомнилось, как ночью огненный человек спалил жабообразного демона, превратив в жирное пятно. Если это он послал за нами носильщиков... нет, лучше никогда не встречаться с ним лицом к лицу.

– Баст, но ты же богиня. Что тебе стоит щелкнуть пальцами и превратить этих четверых в кучки песка? Или взмахнуть рукой и перенести нас далеко-далеко от них?

– Думаешь, я бы этого не сделала, если могла? Но при нынешней хозяйке мои силы ограничены.

– Ты про Маффин? – спросила Сейди. – Но ты же теперь не кошка.

– Маффин по-прежнему остается моей хозяйкой. Она – мой якорь на этой стороне Дуата, причем весьма слабый. Твой призыв о помощи помог мне обрести человеческий облик, однако одно это уже требует немалых сил. И даже если бы у меня был могущественный хозяин, сила магии Сета превосходит мою.

– Ты вообще можешь объясняться понятным языком? – не выдержал я.

– Картер, у нас нет времени на академическую дискуссию о богах, их хозяевах и пределах магии! Нам нужно спастись от погони.

Баст вдавила акселератор и вырулила на среднюю полосу. Четверо носильщиков тоже бежали по мосту, окруженные дымкой. Меня удивило, что ни одна машина не сворачивала в сторону, опасаясь их сбить. Никто не кричал от страха. Такое ощущение, что другие люди их просто не видели.

– Неужели никто, кроме нас, их не видит? – спросил я. – Разве можно не заметить четверых странно одетых парней да еще с громадным черным ящиком?

Баст усмехнулась (наверное, моему невежеству).

– Кошки способны слышать многие звуки, которые вы не различаете. Некоторые животные видят в ультрафиолетовой части спектра, а человеческий глаз ее не воспринимает. Так же и с магией. Когда вы вчера приплыли в Бруклин, вы сразу заметили особняк Амоса?

– В общем-то... нет.

– А ведь вы – прирожденные маги. Теперь представьте на вашем месте обычного смертного.

Прирожденные маги? Я сразу вспомнил слова Амоса про то, что обе наши ветви с незапамятных времен были связаны с Домом жизни.

– Но если я – прирожденный маг, почему же до сих пор магические способности у меня никак не проявлялись?

В зеркале я увидел кошачью улыбку Баст.

– Твоя сестра это понимает.

У Сейди покраснели уши.

– Нет! Ничего я не понимаю. Я до сих пор не могу поверить, что ты – богиня. Все эти годы ты таскала мои чипсы и спала у меня на голове. И я сбрасывала тебя, как обычную настырную кошку.

– Я заключила соглашение с вашим отцом. Он позволил мне остаться в мире живых, но с условием, что я приму облик обычной кошки и буду следить за тобой. Это было самое меньшее, что я могла после...

Она замолчала на полуслове.

У меня мелькнула жуткая мысль. К горлу подступила тошнота, но совсем не из-за бешеной скорости, с какой мы ехали.

– Ты хотела сказать – после маминой гибели?

Баст глядела прямо перед собой.

– Я прав? – допытывался я. – Мои родители проводили какой-то ритуал возле Иглы Клеопатры? Да? Потом что-то пошло не так, мама погибла, а... ты появилась?

– Сейчас это не имеет значения. Главное, что я согласилась присматривать за Сейди. И присматривала.

Конечно же, Баст что-то недоговаривала. Но по ее тону был понятно, что тема закрыта.

– Если вы, боги, такие сильные и готовы помогать, почему же Дом жизни запретил магам призывать вас?

Баст вывернула на скоростную полосу.

– Потому что маги в большинстве своем – параноики. Они сами выдумали свои страхи. Сейчас вам обоим лучше быть со мной. Мы постараемся как можно быстрее убраться из Нью-Йорка. Тогда у нас будет шанс получить помощь и противостоять Сету.

– Чью помощь? – спросила Сейди.

– Других богов. Кого же еще? – ответила Баст.

## 10. Баст зеленеет

*Картер*

[Сейди, прекрати! Я как раз собираюсь об этом говорить.] Простите, моя сестрица отвлекает меня, пытаюсь поджечь мне... впрочем, не важно. Продолжаю рассказ.

Мы перенеслись по Уильямсбургскому мосту в Манхэттен и покатали по Клинтон-стрит.

– Они не отстают, – предупредила Сейди.

И в самом деле: нас и носильщиков разделяло не больше квартала. Они бежали, уворачиваясь от машин и опрокидывая сувенирные лотки на тротуарах.

– Ничего, мы выиграем себе немного времени, – прорычала Баст.

Это было настоящее глухое рычание рассерженной кошки, и от него у меня почему-то занули зубы. Баст вцепилась в руль и вывернула на Хьюстон-стрит.

Я оглянулся. Едва только из-за угла показались носильщики, неизвестно откуда возникла целая орда кошек. Они выпрыгивали из окон, бежали с тротуаров и из переулков. Некоторые вылезали из канализационных люков. И все торопились к носильщикам, готовые вцепиться им в ноги. Кошачье племя густо облепило черный ящик и теперь угрожало спинам и лицам носильщиков. Меднокожие египтяне бросили свою ношу и отбивались вслепую. Две машины, пытаясь объехать кошачий поток, столкнулись и перегородили собой всю улицу. Мы свернули на шоссе имени Рузвельта, и сцена кошачьей атаки скрылась из виду.

– Отлично, – сказал я.

– Только надолго моих не хватит, – вздохнула Баст. – А теперь – в Центральный парк!

Баст подкатали угнанный «лексус» к музею Метрополитен.

– Обелиск сразу за музеем, – сказала она. – Побежали.

«Побежали» было сказано в буквальном смысле. Баст припустила вперед. Нам с Сейди пришлось поднапрячься, чтобы не отставать, а богиня кошек даже не вспотела. Препятствия высотой до десяти футов – лотки с хот-догами и припаркованные машины – она легко перепрыгивала, вынуждая нас искать обходные пути.

Мы вбежали в парк через восточные ворота. Там мы повернули на север и сразу же увидели обелиск. Он выглядел точной копией лондонской Иглы Клеопатры. Обелиск стоял на травянистом холме. Такой островок уединения в центре Нью-Йорка – большая редкость. Вокруг не было никого, если не считать двух любителей бега. Но они не приближались, а удалялись от обелиска. С Пятой авеню сюда долетал шум машин, однако и он казался каким-то далеким.

Мы остановились у подножия обелиска. Баст принюхалась, словно пыталась почуять, не подстерегает ли нас опасность. Стоять на одном месте было холодно. Солнце ярко светило, но ветер насквозь продувал мою легкую одежду.

– И как я не догадался захватить из шкафа что-нибудь теплое? – бурчал я себе под нос. – Кажется, там было шерстяное пальто.

– Оно бы тебе только помешало, – возразила Баст, внимательно оглядывая окрестности. – Вы оба одеты для магии.

Сейди тоже дрожала.

– А для магии обязательно нужно мерзнуть? – съехидничала она.

– Маги избегают носить материалы животного происхождения, – тоном ученой дамы произнесла Баст. – мех, кожу, шерсть и так далее. Остаточная жизненная аура животных может повредить заклинаниям.

– Мои ботинки мне ничуть не мешают, – возразила Сейди.

– Кожа, – поморщилась Баст. – Наверное, порог терпимости у тебя выше и это не мешает твоей магии. Не знаю. Но одежда из льна и хлопка всегда считалась самой лучшей. Сейди, пора браться за дело. С половины двенадцатого начинается благоприятное время, но оно продлится недолго. Начинай.

– Я? Почему я? – заупрямилась моя сестра. – Ты же у нас богиня!

– Я не особо умею открывать порталы. Кошки – они защитники. А тебе это будет несложно. Возьми под контроль все свои чувства. Паника и страх опаснее всего. Они могут погубить ритуал. Мы должны исчезнуть отсюда раньше, чем Сет созовет себе на подмогу других богов.

Услышанное мне очень не понравилось.

– Ты хочешь сказать, Сет соберет других злых богов?

Баст беспокойно поглядывала на деревья.

– Добро и зло, Картер, – это понятия обычных людей. Как маг, ты должен рассуждать в понятиях порядка и хаоса. Вот две силы, управляющие Вселенной. Сет целиком принадлежит силам хаоса.

– А другие боги, которых освободил наш отец? – не унимался я. – Разве они не на нашей стороне? Изида, Осирис, Гор, Нефтида. Где они?

– Я бы тоже хотела это знать, – сказала Баст.

Из кустов выскочила сиамская кошка и бросилась к Баст. Они переглянулись, и кошка вновь скрылась в кустах.

– Носильщики уже близко, – сообщила Баст. – И не только они. С востока к нам движется что-то... более страшное и непонятное. Похоже, хозяин носильщиков теряет терпение.

У меня замерло сердце.

– Непонятное – это... Сет?

– Нет, конечно. Возможно, его слуга или союзник. Кошки не сумели толком рассказать, да и мне даже не хочется знать, кто к нам идет. Сейди, пора. Сосредоточься на открытии прохода в Дуат. Я буду сдерживать нападающих. Боевая магия – это по моей части.

– Как в доме Амоса? – спросил я.

Баст оскалила зубы.

– Нет, там было только сражение и никакой магии.

Из-за кустов появились носильщики. Их ящик был вдоль и поперек располосован десятками кошачьих когтей. Им самим тоже досталось, и следы когтей были не самым сильным увечьем. Один носильщик прихрамывал. Его нога была согнута в колене, но не вперед, а назад. У другого на шее болталась решетка автомобильного бампера.

Увидев нас, металлические люди опустили свою ношу и достали из-за поясов увесистые палки.

– Сейди, принимайся за дело, – велела Баст. – А ты, Картер, поможешь мне.

Богиня кошек выхватила кинжалы. Зеленое свечение окутало Баст целиком и продолжало разрастаться, превращаясь в зеленый энергетический пузырь. Пузырь оторвался от земли, и вскоре внутри появилось изображение Баст, но вчетверо больше ее. Оно не было точной копией. Внутри пузыря стояла древняя богиня – женщина ростом в двадцать футов и с кошачьей головой. Баст шагнула вперед. Громадная богиня кошек сделала то же самое. Мне это показалось забавным трюком, голографическим эффектом или чем-то похожим, однако, когда богиня кошек ударила ногой о землю, земля задрожала. Баст подняла руку. Зеленая богиня тоже подняла руку, обнажив длинные и острые когти. Баст полоснула по поребрику, раскромсав его на бетонные ломти. Потом улыбнулась и посмотрела на меня. Голова гигантской женщины-кошки оскалила зубы. Как и когти, они были длинными и острыми. Я поежился, представив, что такие «зубки» вмиг перекусили бы меня пополам.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.